

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Моя 2
ПРИРУЧЕНИЕ

САНДРА БУШАР

Идеальна для меня

Сандра Бушар
Приручение. Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Бушар С.

Приручение. Том 2 / С. Бушар — «ЛитРес: Самиздат»,
2021 — (Идеальна для меня)

Конрад Шульц — циничный и хладнокровный мужчина. Не способный на сострадания, сочувствие и любовь. В погоне за властью, деньгами и влиянием мужчина растерял все человеческое. Способна ли простая секретарша Эмми Браун растопить его холодное сердце? И найдется ли место для чувств, когда нужно спастись от отца, матери и конкурентов по бизнесу? Все это вы узнаете в заключительной части дилогии! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сандра Бушар

Приручение. Том 2

Глава 1

Всю дорогу домой я раздумывала лишь над одним вопросом: стоит ли Шульцу знать о звонке Филиппа Майера? И если деловая часть меня отвечала четкое и внятное «да», то оскорбленная девушка внутри яростно протестовала.

«Он бросил тебя в лапы конкурента, как дешевый эскорт! Знал, о его интересах, и просто подкинул. Подслащивая пилюлю», – добивал внутренний голос.

– Что с тобой, Эмми? – в лифте Конрад вдруг повернулся ко мне, вжимая в стену своим громоздким телом. Мужчина хотел поцеловать меня в губы, но я вовремя увернулась, и они коснулись мочки уха. Конрад тяжело вздохнул, выдавая почти рычащий звук.

– Я думаю вот о чем... – пространно заговорила я, со всех сил пытаюсь натянуть равнодушное выражение лица. Этот разговор в туалетной комнате буквально выбил меня из колеи и вернул с небес на землю. – Помнишь недавний прием, твое красное платье от Роддери. Его забрал Филипп Майер. Зачем ему делать такое?

Шульц резко отстранился, стиснув челюсти так остервенело, что хрустнули зубы. Холод в глазах, убийственная ненависть распространялась по лифту, заставляя охранников напрягаться.

– Ты думаешь об этом, когда я тебя целую, Браун? – рявкнул он, а спина моя знакомо выпрямилась по стойке смирно. Человек напротив меня запросто и без зазрения совести мог бы отдать меня в пользование Майера ради своей цели.

– В этот раз – да, – сложив руки на груди, я будто прочертила между нами линию, за которую заступать нельзя. Конрад понял это сразу, принимая вызов. – Ответь. Это важно для меня.

– Понятия. Не. Имею, – голос рассекал пространство, как острая булава, вонзающаяся мне в спину шипами. Потому что я не верила ни единому его лживому слову. Он знал про Майера. Не мог не знать!

Босс знал шпионов в «Шульц Индастрис» и вел этих людей, самолично контролируя их деятельность. Давал то, что было выгодно непосредственно ему. И если бы Майер попытался связаться со мной, проявлял интерес, то Конрад узнал бы об этом первым!

– Но ты ведь заставил меня добыть у Майера важную информацию, это может быть как-то связано. Не находишь? – не унималась я, будто ожидая его признания. Будто хотела доказать себе: Конрад Шульц не способен на такую откровенную ложь. А если способен... Это просто выбивало почву из-под ног, лишало гравитации.

– Он просто любит красивых девушек и не может перед ними устоять, – качнув голову набок, Конрад принялся меня изучать, будто компьютер, ищущий вирусы в программе. А затем протянул медленно и до жжения в легких обманчиво спокойно: – Скажи, что произошло в дамской комнате? Скажи сама, Эмми. Я ведь все равно узнаю.

– Это не важно, – отмахнулась я, начиная злиться. – Я хочу понять, почему именно я должна была добыть у Майера важную информацию. Ни какая-то нанятая модель. Ни Аврора. Я, Конрад. Почему? Должна быть причина!

– Потому что я тебе доверяю, – вдруг проговорил он, и этот аргумент мог бы сработать, если бы не одно «но», которое я тут же озвучила:

– Можно заключить акт о не разглашении, как в других случаях. Например, с твоими детьми. Во всех этих событиях не хватает связующего звена. И ты его знаешь!

– Тебе кажется, – ответил он моментально, резко, броско, агрессивно. Будто затыкая меня своим гонором. Но только вот мысли не заткнешь. – Забудь об этом. Это в прошлом, Эмми. Подобных происшествий больше не повторится.

– В прошлом, ты прав, – согласно кивнув, я приняла единственное правильное для себя решение: не говорить мужчине о звонке конкурента. Это будет мое ему наказание за то, что так бесчувственно бросил под ноги и в постель к другому мужчине. Без сожаления и жалости. Как вещь. Даже не предупредив о рисках, об интересах Филиппа на мой счет. Грязно, холодно, как истинный монстр.

Я выскочила из лифта с таким остервенением, будто внутри маленькой коробки кончился кислород. Быстро и торопливо вышагивая к спальне, я ругала себя снова и снова за то, что позволила себе на мгновение поверить в театр Конрада для одного зрителя. Зачем он пытался строить из себя обычного человека? Этот мужчина никогда и шагу не сделает без выгоды и долгоиграющих планов. Он холодный, расчетливый хищник. Ничего более. Акула. Единственная его цель – уговорить меня подписать очередной рабский контракт на пять беспросветных лет.

Забежав в ванну, я с грохотом хлопнула за собой дверь и упала на раковину. Грудь моя вздымалась, как после марафона, а эмоции внутри делали похожей на бочку с тротилом. Меня передернуло от резкого удара позади, Конрад возник в проходе с кипой бумаг и горящим взглядом, как у безумца.

– Не подходи ко мне, – прошипела я, сама не понимая, почему так больно... Почему ярость накрывает волнами вновь и вновь. Я повернулась к мужчине, вытянув руку перед собой в предупреждающем жесте. Но Конрад непоколебимо двигался вперед, будто мои слова не имели для него никакого значения. – Слышишь?! Не смей ко мне приближаться!

– Мне не нужно спрашивать разрешения, – чеканил он с каждым шагом, не сводя с меня убийственного взгляда. Холодного, прожжённого. – Ты в моем доме. В моей спальне. И ты тоже моя, Эмми.

– Нет, – замотала головой я, хмурясь и закрывая уши руками. – Нет и еще раз нет. Выкинь это все из своей чертовой головы!

С грохотом рядом со мной на банный столик упала кипа бумаг, явно заготовленных не сегодня, а задолго до. От удара мелкие косметические приборы попадали, крохотное увеличительное зеркало упало и разбилось. Я завизжала от неожиданности, но тут же взяла себя в руки, прикусив щеку изнутри.

– У тебя три дня чтобы это изучить, при желании, и подписать. Возражений не принимается. Корректиров – тоже, – сжав мой подбородок, Шульц посмотрел в глаза, будто откладывая данный факт мне на подкорку, давая свыкнуться с ним, привыкнуть. – Пока не подпишешь – из пентхауса не выйдешь. Поняла?

– Пошел к черту! – с чувством прошептала я, пытаясь передать ментально всю свою ненависть и раздражение. То, как сильно не хочу видеть его здесь! Как сильно мечтаю оказаться на другом конце света, лишь бы не рядом.

Вместо ответа он сдавленно рыкнул что-то нечленораздельное сквозь сжатые зубы, а затем впился мне в губы диким поцелуем, сносящим все на своем пути. Я растерялась лишь на мгновение, позволяя его языку проникнуть в мой рот, а затем просунула ладони между нашими телами. Конрад был каменной скалой, об которую могли бы разбиваться волны. Отодвинуть его мне было совершенно невозможно, никогда не хватило бы сил.

– Ненавижу тебя! – рявкнула я, задыхаясь от чувств и эмоций. От горького, разрушающего изнутри желания и сладкой злости, опьяняющей сознание. – Не-на-ви-жу!

Он отстранился, судорожно вдыхая кислород, будто забывал дышать во время поцелуя. Его руки опустились к мои джинсам, стаскивая их торопливо и быстро, будто он не мог ждать и минуты.

– Повторяй себе это почаще, Эмми, – хмыкнул он, поднимая одну мою ногу и закидывая ее себе на талию. Я ощутила упругую твердость в ширинке его джинсов и инстинктивно сжала пальцами черную ткань футболки, натягивая ее на себя. – Ты все чаще забываешь, что именно нужно чувствовать.

– ЧТО?! – ахнув от его наглости, я распахнула рот, приготовившись к длинному изнурительному монологу, но Конрад снова накрыл мои губы своими, пока свободной рукой оттянул нижнее белье в сторону, проникая пальцами внутрь. Так глубоко и резко, что дух выбило из головы вместе с мыслями.

– Да, – губы его ловили мои судорожные вздохи, как бы сильно я ни пыталась их скрывать. Тело сводило от мучительного томления, будто каждая клеточка тела жаждала Его прикосновений. Ждала. И чем больше раз это повторялось, тем сильнее было желание. Убивающее, разрушающее, неправильное до мозга костей. – Да, детка...

– Че-е-ерт... – выдохнула я, закрывая глаза и хлюпая носом. Мне было хорошо. Так сильно хорошо, что путало здравые мысли, откидывало их на потом. Нужно было остановить это. Немедленно.

– Скажи мне это еще раз, – вдруг прошептал он, мягко скользя указательным пальцем по клитору, вызывая по телу новые и новые судороги. – Скажи, что не ненавидишь меня.

– С радостью! – отозвалась я тут же, заглянув в его мутные глаза, с полной готовностью повторять это снова и снова. До потери сознания. За то, что он заставляет меня испытывать все это. Терять свои же мысли, переступать через свои же идеалы.

– Отлично, – рыкнул он, а после впечатался в меня безумным поцелуем. Не успела я ничего осознать, как он резко отодвинулся, толкнул меня к умывальнику, повалив животом на мраморную поверхность.

Я увидела себя в отражении зеркала и Конрада за спиной, расстегнувшего молнию брюк. Он накрутил мои волосы себе на кулак, не позволяя опускать взгляд. Заставляя смотреть прямо перед собой, когда он крепко сжал мою ягодицу, а затем вошел внутрь. Глубоко, с глухим стоном, звонким шлепком.

– Начинай. Я тебя внимательно слушаю.

Конрад вбивался в меня резко и глубоко. Выходя полностью, а затем загоняя свой каменный член до самого основания. Тело мое содрогалось от его хватки, покрывалось испаринами пота от ощущения наполненности. Каждое движение отзывалось на коже мурашками, лютым ознобом. И тут же капли пота стекали по лбу от внутреннего обжигающего до самых костей жара.

Но больше всего пугало другое: я не выглядела как человек, признающийся в ненависти. Наоборот. Темный, похотливый, замыленный, расфокусированный взгляд, так и просящий еще, глубже, больше... Распахнутые губы, жадно хватающие кислород. Красные щеки, мокрые волосы.

– Ну же! – прорычал мужчина, ускоряясь до потери сознания. Я закатила глаза от ощущения того, как его член становится больше внутри меня, горячее. Будто все нервы расплавились в одно время, скопились в одном месте, приготовившись выплеснуться наружу одним большим фонтаном. – Либо ты говоришь это сейчас, либо я запрещаю тебе говорить то, в чем ты не уверена, Эмми!

– Иди... На... Хрен... – с трудом выдавила их себя я, проследив за тем, как из глаз брызнули слезы. От полноты ощущений. От невозможности озвучить то, что он простит. От желания убить Конрада и в тот же миг умолять не останавливаться.

Конрад Шульц был настоящим наркотиком. Убивал меня изнутри, с каждым днем разрушая все больше и больше. И все же я ловила свой кайф, тая на волнах медленного вайба.

Он повалился на меня от глубокого последнего толчка, содрогаясь всем телом. Вслед за мной. Конрад отпустил мои волосы, позволяя мне распластаться на раковине, закрывая лицо

ладонями. Его губы обрушились мне на висок, затем щеку, усыпая кожу лица мелкими поцелуями.

– Ты должна быть готова к пяти вечера. Форма одежды – коктейльное платье, – хрипло прошептал он, а затем отстранился. Какое-то время за спиной ничего не происходило, он словно рассматривал мое уставшее после оргазма тело. А затем на ягодицу прилетел мощный шлепок, заставляющий вздрогнуть. – Постарайся одеться поскромнее. Я хочу побыть в гостях хотя бы полчаса.

Больше всего в пентхаусе Шульца мне нравился душ. Именно в нем я провела большую часть свободного времени и именно по нему я буду скучать. Огромный, просторный, затемненный. С широкими стеклянными дверьми, открывающими вид на остальную часть ванной комнаты. В моей съёмной квартире весь санузел занимал меньше места, чем мраморная кабина.

Удивительно, как умело теплая вода смывала лишние эмоции, приносила покой и ясность мысли. Расставив приоритеты, я вышла из душа спокойная и практически умиротворенная. И почти убедила себя рассказать Шульцу про звонок Майера... До того момента, пока на глаза мне не попались принесенные Шульцем документы.

– Нет, – листая бумаги, я ощущала бешеное сердцебиение в груди и то, как дрожат конечности. Из груди вырвался нервный смех, заставляющий осесть прямо на пол. – Не может быть. Это, верно, какая-то злая шутка... Или недоразумение.

Я была уверена, что Конрад принес мне новый контракт на пятигодичное сотрудничество с «Шульц Индастрис». Но эти бумаги требовали чего-то другого. Мою душу в коробочке.

– Брачный контракт?! – воскликнула я, оглушая саму себя. Протирая глаза руками, мне хотелось смыть это нелепое наваждение и вернуться к реальности. Да, Шульц говорил что-то во время нашей заварушки у него в кабинете... Но что только не говорят во время секса, верно? К тому же я почти убедила себя, что мне послышалось. И вот теперь на коленях лежал чертовски продуманный, составленный лучшей юридической фирмой брачный контракт. И, если быть совсем уж честной, в истекающем договоре было меньше условий и провокаций. Каждый новый пункт округлял мои глаза все больше и больше. – За измены жены штраф миллион долларов, ха! А мужа... Не прописано, естественно! Все электронные устройства под полным контролем! Охрана Шульца со мной повсюду... Черт, мы даже обязаны спать в одной спальне. Обязаны, черт его дер!

Я с раздражением отшвырнула контракт, но тут же вернула его обратно, ища все новые и новые лазейки. Если говорить простым языком, то поставить подпись здесь можно было только кровью, потому как пахло откровенным рабством. Всегда рядом, всегда вместе, всегда под контролем. Но! Если хозяин так решит и пока хозяин не даст вольную. Потому как бросить Конрада я не могла в течение десяти лет от даты заключения, а он меня – в любой момент, без ничего и каких-либо претензий.

– Мне даже запрещено находиться с другим мужчиной наедине в кофейне?! Серьезно? – воскликнула я, удивленная проницательностью Шульца. Возможные варианты «измены» были четко прописаны, будто особо его беспокоили. Как и моя безопасность. Потому как единственное, по всей видимости, что я могла делать самостоятельно после заключения контракта – передвигаться из кровати до душа и обратно. Все.

В памяти всплыла Аврора, высокая статная модель. Ей был выгоден подобный союз ради карьеры, а мне-то к чему? Именно для этого всю жизнь я и копала землю носом, чтобы не добиваться продвижения по службе пятой точкой. Зависеть только от себя!

– Вот урод... – не в силах унять ярость, я отшвырнула маленький пустой цветочный горшок в другой конец комнаты. – Это степень твоего доверия ко мне, Конрад Шульц?! Сделать из меня послушную домашнюю собачку?? Пошел к черту!

Каждая девушка мечтает однажды получить предложение руки и сердца от любимого мужчины. И неважно, романтично оно будет сделано или нет, главное, чтобы прозвучали осно-

вополагающие слова: я тебя люблю. Но это не наш вариант с Конрадом. Я не ждала от него признания и вообще не хотела иметь ничего общего! Отныне и навеки.

Поднявшись на ноги, не без труда натянула на себя халат. Тело потряхивало от нервозности, в голове эхом звучали его пугающие слова: «Пока не подпишешь – из пентхауса не выйдешь. Поняла?»

«Это Конрад, – совершенно не помогая внутренний голос. – Он не отпустит тебя, пока не будет по его».

На нервной почве я совершенно забыла надеть обувь или тапочки, передвигаясь по дому босиком. В этом были и свои плюсы: ни единого лишнего звука, словно приведение.

Путь мой лежал в кабинет, и, когда я подходила к нему, то увидела выходящую Барбару с опустошенным подносом. Женщина многозначительно мне подмигнула, видимо, восприняв мой внешний вид по-своему, и оставила дверь слегка открытой.

– Мистер Шульц пока немного занят, – прошептала она, когда мы сровнялись. – Но... Думаю, для вас он отвлечется.

– Придется, – натянув благодарную улыбку, я подождала, пока женщина скроется за поворотом, а затем подошла вплотную к кабинету.

Сердце билось в груди, будто ненормальное, и я долго приводила дыхание в норму, чтобы не выглядеть рядом с мужчиной, как глупая истеричка, говорить по делу и существу. Сквозь дверную щель мне четко виделось, как Конрад старательно отжимался от пола ко мне спиной. Видимо, продолжалось это довольно давно, потому как белая майка была насквозь мокрая, а черные домашние брюки облепили мощные ноги.

– И все же, – нервный голос доктора Грина одернул меня от потусторонних, лишних мыслей, возвращая в реальность. – Я категорически запрещаю вам занятия спортом, Конрад. Все может закончиться госпитализацией! Вы совершенно не беспокоитесь о своем здоровье. Благо, взяли отпуск... Но тратить его на СПОРТ! Вы в своем уме? Умерьте пыл, если хотите прожить еще двадцать здоровых лет.

– Я учту, – холодно отчеканил Шульц, тут же уводя тему в другое русло: – Есть какие-то новости по интересующей меня теме?

Грин тяжело вздохнул и, скрипя душой, будто нехотя, протянул:

– Есть. Провели дополнительные анализы крови. Все так, как я и предполагал. С вероятностью семьдесят процентов девушка не сможет иметь детей. Вы дадите ей тот препарат, что я вам прислал? Это важно, Конрад. Он поможет мисс Браун выровнять гормональную систему по моей авторской методике, и уже через несколько месяцев приема можно будет попробовать завести ребенка.

– Даю. Все, как вы сказали, – кратко кивнул Шульц, остановившись лишь на минуту.

Я зажала рот рукой, чтобы не издать и звука. Тело мое заметно повело, ноги предательски подкосились. Каким-то неведомым чудом удалось не выронить ни единой бумаги, сжав их до посинения пальцев. Только вот из-за шума в ушах дальнейший разговор расслышать не удалось.

Добравшись до кухни, я забралась на барный стул и уставилась в стену. Все это время Конрад давал мне какие-то препараты, называя их противозачаточными. От своей же глупости стало неловко и досадно – мне ведь даже в голову не пришло проверить назначение. Верила каждому его слову!

«Он решил завести от тебя ребенка без твоего на то согласия?! – раздалось в голове неоновой вспышкой. – Брак без согласия. Ребенок без согласия... Ты должна бежать, Эмми. При первой же возможности!»

И я была согласна с этой идеей, как никогда ранее. Она не казалась мне авантюрой. Наоборот, единственной способной спастись из тисков.

«Девушка не может иметь детей», – голосом доктора Грина пронеслось в голове, пропуская удар сердца. Я будто задохнулась в тот момент, лишаясь шанса на то будущее, о котором мечтала. Мысль, что я проведу остаток жизни в одиночестве, была мучительной и гадкой.

– Вы не остались у Конрада? – голос Барбары за спиной заставил вздрогнуть. Я резко обернулась с натянутой улыбкой и незаметно, как мне показалось, стерла слезы.

– Нет, он занят. Не стала тревожить... Вы тоже не говорите Конраду, что я приходила. Прошу, – я указала подбородком на гору бумаг, изрядно помятых и вымокших в моих слезах. – У вас есть шредер? – Барбара кивнула, а я без капли стеснения всучила ей контракт. Было чертовски плевать, прочитает она его или нет. Меня это больше не касалось. – Пропустите это, пожалуйста.

– Что-то еще? – женщина старательно сохраняла беззаботное выражение лица, но глаза оставались встревоженными. Казалось, она за меня переживает, и от этого было еще хуже.

«Нет более убогого человека, чем тот, кого все жалеют», – пронесся в голове девиз моей жизни.

– Противозачаточное, – вдруг прошептала я. Внутри будто горела какая-то глупая, призрачная надежда. – В этом доме есть противозачаточное?

– Нет, мисс Браун. Абсолютно точно не может быть. Раз в неделю я сортирую аптечку и... – она вдруг запнулась, увидев что-то ее насторожившее в моем лице. – Простите, я, видимо, сказала какую-то глупость? Может, я просто не в курсе. Вы ведь могли принести противозачаточные в своей сумке. Верно?

– Верно, – солгала я, такого произойти просто не могло.

– В любом случае, – поспешно затараторила она. – Имейте в виду, что таблетка экстренных противозачаточных вызовет у вас женские дни. Именно так она и работает.

Резко отвернувшись, от шока я зажала рот рукой. «Ты настолько глупа, что не знала этого! – кричал на меня издевательский внутренний голос. – И настолько глупа, что даже не поинтересовалась данной темой! Ты заслуживаешь подобного отношения, Эмми Браун, как никто другой!»

– Артур спрашивал про вас, и даже Сабина приготовила какой-то десерт... – вдруг с надеждой протянула Барбара после минутной паузы. – Подниметесь к ним?

Стиснув зубы, я сжала кулаки от досады и разливающейся по телу физической боли. Затем взяла себя в руки и, отряхнувшись, поднялась на ноги. С трудом, почему-то конечности отказывались меня слушаться.

– Нет, не думаю, – не глядя на женщину, я отправилась обратно в свою комнату.

Конрад старательно расслаблял мне мозг последние дни, пытаясь сделать горькую пилюлю сладкой. Но я больше не собиралась идти по его сценарию, вестись на глупые уловки. А значит, не стоило общаться с детьми, с которыми вскоре придется расстаться.

Распахнув шкаф, я уставилась на сотни брендованных вещей, выбирая что-то коктейльное и, между тем, сдержанное и незаметное. Нечто, что поможет мне этим вечером стать серой неприглядной мышкой.

– Что же, Конрад... – провела ладонью по черному бархатному длинному платью, меняющему цвет на темно-бардовый в бликах яркого света. – Ты хотел, чтобы бы я сопровождала тебя к другу, и я это сделаю.

«А затем сбеги!» – добавила уже про себя, не решаясь озвучить то, что могли услышать дежурные около камер и доложить своему боссу. Потому как больше меня не пугал вышедший из тюрьмы отец и убийца Натали, кем бы он ни был... Меня пугал Конрад Шульц. И я сама.

Он ждал меня около лифта.

Красивый, высокий, поджарый. В черном бархатном пиджаке, будто специально подбирал под мое наглухо закрытое от пят до шеи платье. А может, и вправду подбирал, ведь камеры наблюдения никто не отменял.

Конрад держал руки в карманах, отчего лацканы пиджака оттопыривались, показывая кристально белую рубашку с пуговицами в два ряда. Тонкий красный галстук доставал до массивной бляшки ремня. Узкие черные брюки подчеркивали его ровные ноги, на ногах были лакированные туфли эксклюзивной модели. Те самые, стоящие дороже его последней иномарки. Но явно более дешевые, чем бриллиантовые запонки.

– Не плохо, – холодно хмыкнула я, просканировав босса от пят до макушки. Злость во мне бурлила с такой силой, что сдерживать ее было все сложнее.

– Великолепно, – вторя моему тону, Конрад прошелся взглядом от моих распушенных волос до тупель на шпильках.

Платье на мне напоминало камзол, закрывающий руки, ноги, грудь, спину, но все равно обтягивающий каждый участок кожи. Я не стала укладывать волосы, слишком много чести для того, кто принимает меня за полную беспросветную тупицу. Благо, волосы и так вились. Так что в макияже я ограничилась едва заметными стрелками и темно-каштановой помадой.

– Тебе нужно выпить, – Шульц достал из кармана знакомую таблетку, и я стиснула зубы, перестав дышать.

«Вечер предстоит намного сложнее, чем ты могла себе представить...» – «подбодрил» внутренний голос.

– Противозачаточное? Снова? – наивно моргнув ресницами, я театрально прижала руку к груди, уставившись на Конрада, как настоящая идиотка. Все, как он любит. – Я больше не боюсь забеременеть. Зачем? Мы ведь почти что в браке, дорогой муж!

Лицо Конрада побелело и вытянулось, расслабленность мгновенно улетучилась. Видимо, мужчина был слишком занят подбором образа на вечер, что так и не узнал о моем нахождении около его кабинета, так что моя последняя фраза произвела фурор не хуже ушата ледяной воды, вылитой на его голову.

– Ты подписала договор? – Я почти сравнялась с мужчиной, когда он вдруг сжал мою кисть и потянул на себя, заставляя буквально упасть к нему в объятия. Его губы оказались так близко от моих, а дыхание казалось сбивчивым и нервным.

– Если ты сейчас сотрешь мою помаду, я продам дыру в твоих туфлях свои острым каблуком, – отчеканила я по слогам шепотом, путанно, с придыханием. Вырывая из груди мужчины неожиданный рык. Руки его на моем платье сомкнулись, прижимая к себе все крепче и жесте. Казалось, надави он чуть сильнее, и просто раздавит меня в труху, но я все равно не могла скрыть откровенного ехидства: – В своей постели содрогнется один именитый дизайнер.

– Два, – не своим голосом, хрипло прошептал он. Я посмела поднять на Конрада взгляд и тут же опустила, он казался слишком развратным и жадным. – Твои туфли тоже стоят целое состояние, дорогая жена.

Два последних слова он произнес сквозь зубы, с явной издевкой. Будто подключаясь к моей игре, принимая ее правила. Я затаила дыхания, уперевшись ладонями в его бешено вздымающуюся грудь. Шульц выглядел как мужчина, который сейчас наплюет на свои планы и останется дома, несмотря ни на что.

«Жена», – эхом снова и снова повторялось в моей голове, будто заезженная пластинка. Во рту снова и снова пересыхало, сердце выпрыгивало из груди, а ноги предательски подкашивались. «Жена».

А затем звук открывающихся дверей лифта отрезвил его вместе с топотом ног по мраморному полу десяти охранников. Он резко выровнялся по струнке, натягивая беспристрастное выражение лица, холодное и безучастное.

– Все готово? – снова Конрад казался собранным и холодным, как непробивная скала. – Мы должны быть на месте через пятнадцать минут. Не позже.

– Все чисто, босс, – отозвался один из них, поздоровавшись кивком. Одной лишь своей энергетикой Шульц заставлял каждого из охранников чувствовать себя неудобно и напряженно.

Огромные необъятные амбалы старательно отводили взгляд и едва заметно морщились, стоило встретиться тет-а-тет с Конрадом.

Я вздрогнула от мысли, что собиралась сбегать от этого человека. В глазах моих отразился ужас, и Конрад поймал его через стеклянную панель дверцы лифта. На какой-то момент мне даже показалось, что он знает о моих планах, и я в испуге сжала пальцы, удерживаемые мужчиной цепкой хваткой. Это его будто еще больше ожесточило, подобрало.

– Ты готова, Эмми? – обманчиво спокойно произнес он, а я с трудом натянула легкую улыбку.

– У меня есть выбор? – голос предательски дрогнул, глаза стали стеклянными от того, как напирал на меня Шульц. Будто танк, поставивший себе за цель протаранить меня со всех флангов.

– Нет, – протянул босс, и в голосе послышались властные рычащие нотки. Будто он говорил не только про сегодняшний вечер, а про брачный контракт и про возможность завести ребенка... Про всю мою жизнь в целом. – Его у тебя нет, Эмми.

Всю дорогу в лифте стояла гробовая тишина, прочертившая между нами невидимую толстую стену. Но когда на парковке мы отправились в противоположную от машины Шульца сторону, я нахмурилась и напряглась.

– Дома связаны подземным туннелем, что помогает избежать пробок, – не на шутку удивил меня Конрад. Я не имела никакого представления о плане элитных домов, хотя частично косвенно принимала участие в их строительстве. – Через пять минут мы будем уже около нужно лифта.

– Но... – я растеряно опустила взгляд на ноги, где красовались шикарные туфли на тонких шпильках. После недели ношения обуви на ровной подошве, теперь ноги непривычно ныли от нагрузки, а пять минут ходьбы в гору явно могли сделать из меня под конец пути вялого тюленя. Отряхнувшись, выпрямилась и последовала вперед. – Не важно, идем.

Только вот Конрад продолжал стоять на месте, все еще удерживая меня за руку. Я обернулась, чтобы убедиться, что с ним все в порядке, и споткнулась об его внимательный цепкий взгляд.

– Подойди, – скомандовал он, притягивая обратно. А затем снял свой выглаженный идеальный пиджак, заставляя продеть руки в рукава. Конрад был значительно выше меня и больше, а его вещь повисла на моих плечах, будто на маленьком ребенке. – Здесь холодно.

Я покраснела и краем глаза посмотрела на охрану. Они казались неживыми роботами и вряд ли могли оценить этот жест. Какая-то часть меня робела увидеть в их глазах подобие осуждения или насмешки.

– Не думаю, что это хороший... – я запнулась на полуслове, когда мужчина без единого предупреждения подхватил меня на руки, фиксируя крепко, не давая возможности вернуться на землю. От неожиданности мир вокруг пошатнулся, а непроглядная ярость растаяла за моим полным недоумением. – Что ты делаешь?

– Помогаю тебе не сломать ноги, – прошептал мне в самое ухо, утыкаясь губами в щеку. И это было бы достаточно мило, не граничь его голос с приказными басом. – Уверен, доктор Грин не обрадуется, узнав, что ты уже щеголяешь на шпильках.

«Говорит человек, отжимающийся с сотрясением мозга?!» – хмыкнула я про себя, но мысли были совершенно в другом месте. Там, где все жгло и покалывало.

– А это тогда зачем? – я пошевелила челюстью, имея в виду его губы на моей коже. А затем он сделал нечто невероятное и совершенно безумное: сомкнул свои зубы на моей чувствительной щеке. Немного, едва ощутимо. Но и этого прикосновения хватило, чтобы судорога с сильнейшим электрическим импульсом прошла по позвоночнику, делая из меня пареный овощ. Прочистив горло, я едва слышно ахнула: – Ты сумасшедший, знаешь? Совершенный и абсолютный псих.

– Возможно, – пожал плечами Конрад, и я была благодарна ему за то, что хотя бы здесь не соврал.

Шульц не поставил меня на ноги у лифта, несмотря на все мои просьбы и даже мольбы. Лишь на сороковом этаже около двери пентхауса его друзей он, наконец, позволил мне почувствовать землю под ногами. Удивительно, но за такой длинный и извилистый путь он ни разу не поморщился от тяжести и ничем не показал усталость, которой не могло не быть.

Я подобралась и напряглась, когда дверь поддалась, но в разрез моим ожиданиям на пороге появилась широко улыбающаяся блондинка в белой униформе.

– Добрый день, мистер и миссис Шульц, – громко и четко протянула она с явным мексиканским акцентом. – Вас ожидают в гостиной!

Я больно одернула Конрада за рукав рубашки, но тот и глазом не повел. Хотя... Я могла положить руку на отсечение, данное приветствие было обсуждено с ним заранее. Он выбрал его сам, решив испытать на прочность мою нервную систему.

– Не хрипи, как ежик, – подтверждая мои догадки, по пути в гостиную шепнул мне явно веселый мужчина. «Он так развлекается! РАЗВЛЕКАЕТСЯ!» – шипела я про себя. – Привыкай. К тому же, это выглядит больше забавно, чем злобно.

Посмотрев на него с удивлением, я подметила все то же собранное холодное выражение лица.

– Я буду практиковаться, – выдавила я сквозь стиснутые зубы, впиваясь ноготками поглубже в его мягкую ладонь. – Благо, ты даешь мне много поводов!

Конрад сжал руку сильнее, сжимая мои пальцы почти до боли. Его губы распахнулись, будто он собирался что-то сказать, но мысль явно перебил вышедший из-за угла высокий кареглазый блондин.

– Конрад, я так рад! – голос незнакомца был звонким и непривычно громким, режущим слух. Глаза блестели искренним восторгом и воодушевленностью. Он протянул Конраду руку для пожатия, и мужчина наконец-то отпустил меня, переключившись на хозяина пентхауса. – Оу, это, как я могу предположить... Эмми Браун? Наслышан!

– Надеюсь, только с хорошей стороны, – он выхватил мою руку, оставляя на запястье краткий поцелуй. Мне же оставалось только надеяться, что речь идет о работе.

– Несомненно, – хмыкнул он, переводя смеющийся взгляд на Шульца. – О, смотрите, Эмми! Он ревнует меня к вам, представляете? А я между прочим счастливо женат! Что же говорить о свободных мужчинах, а? Вы, верно, как в тюрьму попали? Ха-ха...

Я резко посмотрела на Конрада и с удивлением заметила очаги зарождающейся злости. Только вот отделить их от привычной стальной маски мог лишь человек знающий Шульца «от» и «до». Еще несколько минут назад я была наивно убеждена, что только я так умею.

– Ты заставляешь меня раздумывать над тем, чтобы уйти прямо сейчас, Геб. – Конрад многозначительно приподнял бровь, а затем улыбнулся краешками губ. – Эмми, это Габриель Файкер. Мой хороший давний друг.

– Настолько давний, что я помню, как этот человек улыбался... – театрально ахнул Геб, повернувшись ко мне и комично быстро кивая. – Поверьте на слово. Конрад Шульц на самом деле когда-то улыбался. Это было давно, и теперь больше походит на миф.

Я усмехнулась, промолчав о том, что буквально сегодня утром удостоилась чести лицезреть эту редкую улыбку. Только теперь я сомневалась, что в ней было что-то искреннее и настоящее. Теперь я ни в чем не была уверена...

– Познакомьтесь с моей женой Флорой! – Геб повернулся и кивнул на подходящую к нам платиновую блондинку лет сорока, в коротком красном обтягивающем платье. В руках ее был полупустой бокал вина, а походка больше напоминала маятник, с трудом находящий равновесие и удерживающийся на ногах. – Наши четверо детей гостят у бабушки в Сан-Тропе, так что не имеем возможности представить их лично, Эмми.

Мы прошли к широкому стеклянному столу, украшенному живыми бело-лиловыми цветами, где под бутылку вина Геб рассказал, что в браке уже двадцать лет. Что Флора его первая и последняя любовь на этом свете. Они не стеснялись целоваться при нас, обмениваясь интимными нежными фразочками, заставляя меня ощущать себя неудобно.

– Что же, Конрад... – Флора повернулась к мужчине, недобро сверкнув своими ярко-зелеными глазами. Если Геб производил впечатление открытого миру простого парня, то жена его очень сильно смахивала на наглую и беспардонную светскую сплетницу, выискивающую повод для новых сенсаций и красных заголовков. – Сорок лет и холост. Хм! Когда же ты собираешься, наконец, обзавестись потомством и женой? Это становится уже неприличным!

– Неприличным для кого? – в стальном голосе Шульца читалась едва уловимая насмешка.

Я поморщилась от того, насколько неприятно звучали слова жены Геба. Будто Флора ступила ногой на что-то личное и приватное. Геб поперхнулся и, кажется, похлопал жену по ноге под столом, но та сделала вид, будто не заметила. И повернулась ко мне.

– Эмми, вам пора как-то на это повлиять! Неужели вы не знаете, как затаскать мужчину под венец? – слова застали меня в тот момент, когда я опрометчиво решила отхлебнуть вина. – Поверьте, такой лакомый кусочек, как Шульц, с радостью приберут к рукам... Вам стоит только расслабиться – и рыбка поймана другим рыбаком! Ам – и все.

Я закашлялась, прикрываясь салфеткой. Лица Шульца мне не было видно из-за разделяющей нас икебаны, только вот взглянувший на него Геб тут же побелел и злобно воскликнул:

– Флора, закрой, наконец, рот! – Женщина тут же прикусила язык, тогда Геб спокойно продолжил, пряча нервозность за нелепым смехом. – Они сами разберутся. Лучше расскажи, какую чудесную поездку мы совершили в этом году. В особенности про то, как ты умудрилась перепутать Эйфелеву башню с Пизанской...

Отодвинув салфетку, я с ужасом заметила несколько красных капель вина на платье. И пусть на черном бархате разглядеть их было практически невозможно, но это была вполне себе объективная причина, чтобы сбежать вон из-за стола, как можно дальше.

– Простите, мне следует срочно припудрить носик, – вежливо улыбнувшись, я поспешно встала и поймала на себе недовольный мечущийся взгляд Шульца. Естественно, при посторонних он не стал бы демонстрировать свое истинное нутро, потому я была в выигрыше.

В пентхаусе Файкеров гостиная находилась в конце коридора первого этажа. Сперва я действительно шла в уборную, а затем вдруг увидела неизвестную входную дверь. Она так и манила меня своим соблазнительным пальчиком.

«Это твой шанс, Браун! Ну же, смелее! – подбадривал внутренний голос, когда я застыла в десяти шагах от возможной свободы, неуверенно кусая губы в кровь. – Ты сможешь. Просто открой ее и беги».

Только вот, как и ожидалось, за дверью стояла целая орава охранников: десять – Шульца и десять – Файкеров. И это, не считая выделенных элитным домом.

– Оу! Кажется, я ошиблась дверью... – театрально пьяно рассмеявшись, я осторожно захлопнула дверь, тяжело дыша. Оправдаться получилось за секунду до того, как глава охраны Конрада поднес рацию к губам. Оставалось надеяться, что он не станет делать этого после, ведь по факту просто «без причины» потревожит своего хозяина за дружеским ужином. Мы оба понимали – Конрад такого не простит.

– Вряд ли ты могла так опьянеть от одного глотка вина, что перепутала входную дверь с туалетом, – голос Геба прямо за спиной заставил вздрогнуть. Я перестала дышать, попятившись к стене, мужчина тут же перестал улыбаться, растерянно хмурясь. – Что с тобой, Эмми? Почему ты хотела уйти? Неужели моя жена так сильно тебя задела? Поверь, она беспардонная, но очень безобидная. Ты ей понравилась... Она сожалеет, что сказала такое...

«Наверняка пришел, чтобы извиниться за пьяную выходку Флоры. В отличие от меня она-то успела опустошить целую бутылку в одиночку!» – хмыкнул внутренний голос.

Немного подумав, я ответила так лаконично, как только могла в подобной экстренной ситуации:

– Не уверена, что хочу сейчас находиться здесь. Прости, дело не в тебе или Флоре.

Мужчина понимающе кивнул, испустив тяжелый вздох. Сложив руки за спиной, он отвел взгляд в сторону, пространно протянув:

– Конрад любит все контролировать, и он убьет меня, если узнает. Ты умеешь хранить секреты?

Я моментально кивнула, совершенно не понимая, о чем он. Сердце мое все еще безумно вырывалось из груди от мысли, что хозяин дома застал меня за позорной попыткой побега.

– Мой друг считает, что репутация должна быть идеальная, сверкающая, словно бриллиант. Я не согласен с этим, потому как именно недостатки делают нас людьми, привязывают друг к другу. Никто не хочет себе в пару идеального робота, согласна? – Я снова кивнула, и Геб склонил голову набок, изучая мою реакцию: – Ты уже видела его туловище? То есть, все эти порезы, ожоги, штопаные раны...

– Видела, – произнесла это, я моментально покраснела, понимая, как осеклась. Это буквально письменно подтверждало мой статус любовницы босса, но Геба это явно мало интересовало. С женой Флорой они были полными противоположностями.

– Он не мог стать другим, понимаешь? Просто не мог. Иначе... Иначе просто сошел бы с ума, – мужчина засмотрелся куда-то мимо меня, явно вспоминая что-то ужасное, потому как в приглушенном свете коридора блеснула испарина на его покрывшимся морщинами лбу. – Конрад защищал меня тогда и сейчас. Если бы не он, я бы не был здесь. Не жил бы этой жизнью, не имел бы этих прекрасных детей и свою очаровательную жену... Он всегда стоял за друзей до последнего. Даже когда это оборачивалось против него самого. Конрад отчаянный, знаешь?

– Прости... Совершенно не понимаю, о чем идет речь, – спутанно протараторила я, так отчаянно размышляя над каждой фразой Геба, что в голове взорвалась вспышка резкой мигрени.

– Прямо по коридору. Первая дверь. Мой кабинет. Ноутбук без блокировки. Набери в поисковике: «немецкий дом сирот «Глухтлихтаунхауз», – торопливо проговорил он, поглядывая в сторону гостиной. – Я задержу его так долго, как только смогу, но у тебя не более пяти минут, понимаешь? Мой друг без тебя не может найти себе место.

– Окей, – поспешно кивнув, я тут же направилась туда, куда указал Геб.

Он словно дал мне ниточку, ведущую к чему-то важному. Ключ от тайной комнаты. Я не должна была верить ему на слово, но по факту ничего не теряла при посещении кабинета. Это не менее охраняемый дом, чем пентхаус Шульца. И если Файкер задумал что-то недоброе, то Конрад и вправду найдет меня в течение пяти минут, не более того.

– Эмми, – окликнул Геб, заставляя испуганно обернуться. – Конрад... Кажется таким бесчувственным, но на самом деле он не такой. Я же вижу. И ты тоже наверняка должна это видеть.

– Что «это»? – хмуро переспросила я, дергая ручку кабинета.

«Если ты не посмотришь сейчас, то уже никогда не посмотришь, Эмми. У Конрада вся техника под надзором охраны», – торопил меня внутренний голос, а Геб будто нарочно выдержал паузу в полминуты.

– То, как мой дорогой друг смотрит на тебя, – он усмехнулся каким-то своим мыслям. – Когда ты отворачиваешься, он не сводит с тебя глаз и, о чудо, улыбается. Впервые вижу его таким. Будто это и не Шульц вовсе...

– Если я не зайду в кабинет сейчас, то уже не успею, Геб... – поторопила его я, заходя в комнату и тихо захлопывая за собой дверь. У меня не было времени и желания объяснять ситуацию Гебу, что это лишь игра со стороны его дорогого друга. Умелая и продуманная. Та, в которой я глупый маленький кролик, а он – голодный удав.

Ноутбук Файкера включился почти мгновенно, но даже секундное ожидание давалось с трудом. На нервной почве нога снова и снова топала по полу. Благо, его устилал мягкий ковер. Годы работы за техникой научили меня печатать со скоростью света, и уже через считанные мгновения я с головой зарылась в бесчисленные статьи о доме сирот в маленьком городке около Берлина – Анхальтах.

«Дом сирот «Глухтлихтаунхауз» закрыт после судебных разбирательств: что хранят его стены?»

«Детские трупы, комната для пыток, ящик наказаний – какие еще ужасы прячет в себе «Глухтлихтаунхауз»?»

«Для чего в «Глухтлихтаунхауз» воровали и сбывали детей?»

«Куда пропал глава дома сирот «Глухтлихтаунхауз» и жив ли он? Сколько детей спасено из ада на земле? Сколько неуспокоенных душ осталось внутри?»

Каждый новый заголовок заставлял мои глаза округляться все больше и больше. От доступных в интернете фотографий, волосы на голове становились дыбом, в голове возникал лишь один вопрос: «Как такое возможно в нашем мире?»

«Возможно, Эмми. Потому что всем плевать на чужие судьбы. Как и всем было плевать на твою, – подсказал внутренний голос, и я до боли прикусила губу, закидывая голову назад, чтобы ни одна слезинка не стекла из глаз, размазывая макияж. Все сходилось: уголовное дело возбудили против дома сирот лишь тогда, когда на бизнес-арену вышел такой персонаж, как Конрад Шульц.

Теперь, зная это, страшно было представить, каким образом на теле Конрада появились все эти бесчисленные раны. Штампы прошлого. Через какие круги ада прошел этот мужчина в детстве и каким чудом вообще выжил. Уверена, он потрудились, чтобы никто и никогда не связал его имя с этим жутким местом. Это не просто компромат, это – повод для жалости. А подобное Конрад на дух не переносил.

Мне хотелось вжаться в кресло и отдаться эмоциям, но я не желала подводить Геба и его слепое ко мне доверие, потому поспешно закрыла вкладки и выбежала прочь. Но не успела я сделать десять шагов, как из-за угла с обеспокоенным видом показался Конрад, явно направляющийся искать меня.

– Эмми?.. – настороженно протянул он, осматривая меня с ног до головы. Особое его внимание привлекли мои стеклянные от слез глаза. Он даже представить не мог их причину и, возможно, это было к лучшему. «Пусть думает, что тебя задела слова Флоры».

– Конрад, – глухо отозвалась я, страхась делать шаг вперед. Страхась быть рядом. Будто он мог проникнуть в мои мысли, запустить туда корни... А я уже сама не понимала, что чувствую, чего именно хочу.

Он немного помолчал, будто переваривая в голове что-то ему неприятное, а затем сглотнул досаду и протянул мне руку:

– Идем. Я поговорил с Флорой. Впредь она будет осмотрительнее в том, что выходит из ее рта.

Глава 2

Я понятия не имела, что будет завтра и почему на меня так сильно повлияла прочитанная информация. Но я точно знала лишь две вещи: что сегодня я больше не буду пытаться сбежать и что так, как полчаса назад, уже никогда не будет. Я больше не смогу относиться к Конраду с таким деланным равнодушием. Отныне между нами пролегла незаметная внешне, но безумно прочная лесенка, соединяющая наши странные судьбы.

Вложив руку в ладонь Шульца, я просто лично хотела своими пальцами ощутить тепло его тела. Будто почувствовать жизнь, текущую по его венам. Плоть и кровь. Увиденные кадры застыли ужасом перед моими глазами. Без преувеличений это было худшее, что довелось мне увидеть за всю прожитую жизнь.

– Что?.. – Конрад растерянно свел брови на переносице, а я и не заметила, как глупо безмолвно пялюсь на него уже целую вечность.

– А? Гхм... Ничего, – отряхнувшись, я постаралась сбросить наваждение и вернуться к реальности. Это было сложно, практически невозможно. И все же, я была рада узнать больше о жизни Конрада. Многие вещи теперь обретали свой смысл. Например, помешанность на благотворительности, в частности помощь домам сирот. Возможно, поэтому он выбрал именно меня на должность личного секретаря пять лет назад среди сотни не менее достойных конкурентов. Сразу почувствовал эту странную связь... – Геб с Флорой уже наверняка волнуются, так что и вправду стоит...

– Они подождут, – не отпуская меня, Шульц сжал руку в локте, сокращая расстояние между нами. Я же, не ожидая этого, буквально вжалась в его грудь. В следующую секунду его губы накрыли мои, а свободная ладонь оказалась на щеке, словно мягкий поглаживающий шелк. Конрад казался таким нежным, осторожным, неторопливым, будто наслаждался каждым моментом этого поцелуя. Странные мурашки прошлись по спине, оставаясь где-то на уровне желудка. Когда мужчина отстранился, я поняла, что все это время не дышала. – Теперь можешь испортить мои туфли с чистой совестью. Но тогда у нас появится официальная причина поскорее уйти вон.

– Не дождешься, – хмыкнула я, тяжело вздыхая.

«Почему он не может быть простым и понятным парнем, как все остальные?» – с тоской прошептал внутренний голос.

«Потому же, почему и ты не можешь», – резонно ответила совесть.

Мы оба с ним были изломанные жизнью, совершенно неправильные, приносящие людям вокруг только хаос. И, как по мне, был единственный доступный способ исправить это недоразумение, вылечить души и спасти судьбы – найти каждому в пару кого-то обычного, без тяжелого прошлого и мешка камней за плечами. Но почему-то эта правильная мысль накрыла меня пеленой грусти.

– Оу, Эмми, Конрад! Наконец-то вы вернулись! – с явным облегчением воскликнул Геб, увидев нас в дверном проеме. Размеры комнаты были настолько огромными, что я с трудом разглядела в самом ее конце прижимающуюся пару,двигающуюся совершенно не под музыку, а скорее, на уровне своих любовных ощущений. Мужчина с воодушевлением кивнул на великолепный позолоченный виниловый проигрыватель. – Это Пьяццолла «Либертанго». Правда, шикарно? Жена обожает именно это классическое исполнение... До мурашек!

– Музыка и вправду шикарная, – хмыкнул Конрад, положив свою руку мне на талию. Со стороны мы выглядели, как счастливая и влюбленная парочка, и от этого на душе становилось все мрачнее. – Но ваши танцы похоронили «Либертанго» заживо... Серьезно. Геб, может, тебе вызвать скорую? Похоже на контузию или инсульт.

Я несдержанно прыснула от смеха, потому что именно так это и выглядело, а Флора повернулась к нам с лицом, полным неодобрения, дескать: «Я очень сильно обижена вашей неучтивостью».

– Брось, – с напускной серьезностью Геб выгнул бровь. – Даже если ты сильно захочешь, то не сможешь лучше. Это тебе что, соревнование?

– Вся наша жизнь – это соревнование, – хмыкнул Конрад, и я неосознанно кивнула. В словах его было рациональное зерно.

– Ну, что же... – Геб театрально указал ладонью на свободное место рядом с их милой парочкой и с вызовом воскликнул: – Прошу. Если сможешь лучше – с меня тридцатка.

– Тридцатка? Тебе пятнадцать, Геб? Звучит несерьезно и неуверенно. С таким выигрышем не жалко проиграть. – Конрад задумчиво почесал подбородок, перебирая пальцами второй руки у меня на талии. Его действия мешали поддерживать беседу и вовремя улавливать фразы. Они доходили до меня с огромным опозданием. – Хочу самое злчное место в том торговом центре, что ты сейчас строишь в центре Нью-Йорка. А если я проиграю – отдам тебе ресторан «Розовый Шпинель». Даром, Геб.

– Брось, ты не хотел мне его продавать ни за какие деньги! Это место лучшее в нашем городе и самое злчное... Неужели ты так уверен в себе? – глаза Геба загорелись профессиональной жилкой, и все же сейчас они с Конрадом выглядели, словно два ребенка, спорящих на игрушечные машинки. Только ставки значительно выше и важнее. – Идет, друг. Я чертовски заинтригован!

– Эмми, – Конрад резко крутанул меня к себе, выбивая из груди весь дух. Я столкнулась с его горящими глазами, и мужчина многозначительно выгнул бровь. – Надеюсь, ты умеешь танцевать?

– Я умею все, – прошептала прежде, чем поняла, насколько самоуверенно это прозвучало. Больше волновало другое: во время шуточной перепалки между Гебом и Конрадом мне и в голову не пришло, что мужчина заставит танцевать меня. Я вообще искренне надеялась, что все закончится в очаге возгорания, друзья посмеются и забудут обо всем.

– Отлично, – обе руки Шульца сомкнулись на моей талии, а затем одна медленно скользнула вверх, вызывая мурашки в каждой клеточке тела. Это продолжалось ровно до того момента, пока она ни сжала мою ладонь, переплетая наши пальцы, и мужчина ни двинулся вперед, начиная быстрое ритмичное танго. Его губы шептали мне в самое ухо, снова и снова заставляя странно пересыхать во рту:

– Считай про себя: раз, два, три; раз, два, три...

– Знаю! – ахнула я от его попытки научить меня танцевать. Ведь это именно я во времена проживания в доме сирот ездила на соревнования и занимала призовые места. А вот Шульц слабо представлялся в узких лосинах и кофточке с пайетками и стразами. От удивления голова шла кругом! – Неужели, ты действительно собрался танцевать со мной...

«Невозможно. Просто не может быть... Ты танцуешь вальс с Конрадом Шульцем! Не помню, чтобы он танцевал где-то и с кем-то хотя бы раз», – ошарашила меня внезапная догадка, и я крепче прижалась к мужчине, будто пытаюсь удостовериться в происходящем.

– Ты видишь тут еще кого-то, с кем бы я мог потанцевать? – мужчина двигался быстро, ловко, умело. Он вел этот танец, управлял мной, подстраивал под мелодию. Я ощущала себя свободной рядом с ним, двигалась по наитию, пока вдруг Шульц ни остановился и ни крутанул меня на месте, заставляя упасть ему на руки. Не успела я отдышаться, как он поставил меня на ноги и ощутимо сжал мое бедро. Я знала это движение и закинула ногу ему на бок, и в следующий момент Конрад поднял меня вверх, покружив вокруг.

– Видимо, нет, – я не заметила, как улыбаюсь. Потому что это было почти комично! Конрад еще не успел сделать движение, не предупредил меня о нем, а я уже знала, что делать и как подстраиваться. Будто мы были одним организмом, единым мозгом. Наш тандем выглядел

логично и отрепетировано, словно мы готовились долгое время. И цель стояла одна – выиграть спор. Хотя по факту, я впервые в жизни так сильно растворялась в танго.

– Так нечестно, – ахнул Геб и хлопнул в ладоши от удивления. – Вы не могли придумать такое на ходу! Это... Это слишком...

– Просто невероятно... Монстры какие-то! – ахнула Флора севшим от алкоголя голосом.

– Это действительно невероятно, – прошептала ему в губы я, когда Шульц поднял меня за талию, снова покружив вокруг себя. – Как ты это делаешь?

– Что именно? Я могу все, – поддел меня Конрад, просто повторив мои же слова. Музыка подходила к концу и, сделав парочку движений, он завертел меня по оси, а затем прижал к своей горячей, совершенно спокойной груди, поставив жирную точку в этом абсолютном безумии. А вот моя грудь бешено вздымалась с непривычки, будто после целого часа тай-бо.

– Это определенно стоило снять на камеру, – спрятавшись за бокалом вина, Флора скрыла досаду и растерянность. Конрад отпустил меня, позволив стоять одной, жадно вбирая кислород. Адреналин тек по венам, словно лава. Впервые после танца меня так потряхивало, а ведь когда-то я занимала призовые места в местных чемпионатах.

«Конрад Шульц танцует!» – неоновой вспышкой снова и снова взрывалось в голове.

– Мой друг умеет удивлять, – хохотнул Геб, с тоской поминая «Розовый Шпинель», как несбыточную мечту. Вдруг он запнулся на полуслове, закашлялся, чем обеспокоил жену. Флора проследила за его взглядом и тоже замерла с широко распахнутыми глазами. – Благо, у нас есть камеры видеонаблюдения. И, что-то мне подсказывает, что нам все же придется отправить Конраду копию записи на почту. Не находишь, дорогая?

Флора активно закивала, будто игрушечный зайчик на капоте автомобиля – излюбленная игрушка таксистов, которой они украшают салоны авто.

Нахмурившись, я обернулась, ведь именно на мою спину так отчаянно пялилась супружеская пара, будто видела там живого питона, готового сожрать меня исподтишка.

Дух выбило из тела больно и скоропостижно. Я ощущала себя, как гонщик, разогнавший авто до трёхсот километров в час за секунду. Нет... Это определенно было преодоление скорости света! Потому как я была готова поверить в питона, но не в Конрада Шульца на коленях передо мной.

Вдох-выдох. Вдох-выдох... Удар сердца, еще удар...

– Конрад? – голос охрип до состояния беззвучной мольбы. Словно я была во сне и не могла выдать и звука. – Что ты делаешь?

– Ха! А на что это, по-твоему, похоже, дорогая?.. – ехидный выкрик Флоры совершенно меня не тронул, хоть я и подметила, каким злобным и недовольным был ее голос. Пропитанный завистью. Не знаю, что произошло за моей спиной, но больше женщина не проронила и звука. Хлюпающие звуки свидетельствовали о том, что Геб зажал ей рот рукой.

Конрад Шульц. Стоял. На Коленях. Передо мной.

НА КОЛЕНЯХ. ПЕРЕДО МНОЙ.

Сердце перестало биться. Ушло в отставку без объяснений и объявления войны.

Я готова была повторять себе это сотни миллионов раз и все равно не верила. Не понимала. Не осознавала.

Руки так позорно дрожали, что я сжала их у груди, не в силах отвести взгляда от спокойного и уверенного лица Конрада. В руках его была красная квадратная бархатная коробочка в золотой окантовке, а внутри лежало двойное кольцо с россыпью бриллиантов и огромным зеленым камнем посередине.

Он молчал, будто не мог найти слов. Или это только мне секунды казались часами? Он смотрел на меня, прожигая дыру, ища там ответы на свои вопросы, ища что-то важное для него и жизненно необходимое.

И вдруг затуманенный мозг, наконец, понял, что именно он собирается сделать. Что именно собирается сказать. «Перейти черту», – подсказал внутренний голос, но между нами и так были разрушены все преграды.

«Нет!» – прошептала я одними губами, чтобы он понял. Было страшно... Так сильно страшно, что сводило зубы. Перед глазами мигали красные огоньки, предупреждающие об опасности. И я буквально ощущала, как легкие сжало в тиски и как больно они пытаются начать функционировать вновь.

А затем он вдохнул. Глубоко и жадно. Будто собирался нырнуть под воду. На самое дно бескрайней впадины, из которой не выплыть никогда и ни за что!

– Эмми Элизабет Браун, – он произнес это надрывно, будто говорил на незнакомом ему языке, разбираясь в дебрях произношения. И пусть Шульц выглядел собранным и сдержанным, хрипотца в голосе выдавала нервозность с головой. – Согласна ли ты стать моей женой?

Он все-таки произнес это... ПРОИЗНЕС!

Глаза мои широко распахнулись, наполняясь слезами. Я смахнула их, потому что хотела видеть Конрада, его лицо. «Что он делает? Зачем? Почему здесь? Почему сейчас?!» – миллион вопросов и ни одного ответа.

Я чувствовала тяжелый аромат вина и резкий запах цветов. Чувствовала, как кровь циркулирует по организму, целенаправленно отливая от мозга куда-то трясущиеся ноги. То, как затаились за спиной Геб с Флорой, ожидая нужного момента. Все обострилось, мир стал другим.

А еще был Он. Конрад Шульц. Властный, беспринципный, грубый, нагло манипулирующий чужими судьбами лгун. Человек с тяжелым прошлым. Такой же одинокий, как я. И он стоял передо мной на коленях с обручальным кольцом в руке.

Сколько бы раз я ни повторяла это про себя, все равно не верила.

– Эмми? – губы мужчины пошевелились, и я опустила к ним взгляд, не сразу расслышав слова из-за бешеного пульса, напоминающего барабанную установку. – Детка?..

Сглотнув тяжелый ком, я хрипло прошептала. Так, чтобы услышал он один:

– Зачем?.. Зачем ты делаешь это, Конрад?

Он не любил меня. Не мог любить. Не сможет полюбить. Такие акулы, как Конрад Шульц, не ищут любовь с женщиной, они находят ее с деньгами и властью. Зачем им трахать жену, если каждый день они нагибают тысячи разных людей?

Но если бы он любил меня... Если бы вдруг эта безумная затея оказалась реальностью... Если бы! То я предпочла бы услышать об этом сейчас. Один лишь раз. Хоть намек. Хоть какой-то знак. Хоть что-то, напоминающее светлое людское чувство. Знаю, я просила много. Слишком... Но это значило бы, что не все потеряно. Будто есть какой-то шанс вынырнуть из этих зыбучих песков и доплыть до устойчивой земли. Я бы боролась за него тогда. Сворачивала бы горы. Словно сумасшедшая, обрекаяющая себя на тяжелую, но оттого не менее сладкую участь. Тогда я сдалась бы ему в плен, как глупый наивный мотылек, летящий на свою погибель.

Но он просто смотрел, будто и вовсе ничего не слышал. Будто я была правильным ходом. Той, кого не стыдно иметь рядом. Как на его руке часы за пять миллионов долларов – удачная сделка, повышающая статус. Вещь – не человек. Атрибут.

Я резко обернулась, посмотрев на Геба. Мужчина выглядел обескураженным и полным энтузиазма, готовым скандировать поздравления в каждое мгновение. Флора с тоской кусала губы, до хруста сжимая руками бокал, и ожидала новый повод, который будет обсуждать завтра с подругами. Конрад не мог опростоволоситься перед важными ему людьми. Я не лучший человек в этом мире, но не настолько бездушная дрянь.

– Гхм... – повернувшись к мужчине, я столкнулась с его прищуренным взглядом. И, зажмурившись, выпалила, как заведенный робот: – Да, конечно! Я согласна.

Конрад поднялся с места и, притянув меня к себе, впился в губы глубоким и совершенно неприличным поцелуем. Выливая в него все свои мучения за долгое ожидание. Я прогнулась в спине от его напора, а когда отстранилась, вдруг почувствовала странную тяжесть на пальце.

«Он надел тебе кольцо, а ты и не заметила», – истерически прошептал внутренний голос, а затем произошло еще нечто: Конрад сжал мою ягодицу крепко и властно, касаясь губами мочки уха.

– Сегодня вечером ты подпишешь контракт, – страшные вещи он шептал хриплым, барханным баритоном, и в нем я распознала сильное возбуждение. – Сейчас же, Эмми. Я больше не могу ждать. Это сводит меня с ума.

– Что? Нет! – ахнула я слишком явно, а затем так же близко прислонилась к Шульцу, чтобы меня слышал только он. – И речи быть не может. Забудь. Я не хотела отказывать при Гебе и Флоре. Позже можешь всем рассказать, что бросил меня.

Мужчина немного отодвинулся, и в глубинах его темно-серых глаз заплясали странные озорные огоньки, какие возникали лишь тогда, когда сложный план этого человека складывался наилучшим образом. Ужасная догадка упала на голову тяжелым шлакоблоком:

– Дьявол! Ты ведь специально сделал это здесь... При своем друге! Чтобы я не смогла отказать.

– Какая светлая голова, детка, – губы Конрада обрушились мне на лоб, а затем он крепко сжал мою ладонь с кольцом. Голос стал холодным и властным. Одержимым до колик в желудке. – Теперь ты его не снимешь.

– Хочешь проверить? – с вызовом отчеканила я, делая пасс в сторону. Конрад держал так крепко, словно я оказалась по уши в застывшем цементе. – Кроме того, раз ты играешь так нечестно, я просто беру свои слова назад. Нет – вот мой ответ. И плевать на уважение твоего друга.

Он поймал мои губы своими, затыкая, вставляя кляп. Грязно, развязно, с дикой похотью и жадность. Будто едва сдерживался от своих мыслей...

– Свой ответ я уже получил. Другого не будет, – каждое слово чеканило в ушах, как злой рок. Приговор. Он сжал мое лицо руками, заглядывая прямо в душу, в самое нутро: – Сейчас мы придем домой. Там нас будет ждать адвокат. И все будет кончено, понимаешь?

В тот момент я поняла две вещи: капкан захлопнулся, и это была чертовски грамотная ловушка. Он обескуражил меня, привел к правильной мысли и получит то согласие, что так сильно жаждали его уши. И, безусловно, завышенная самооценка.

– Я не буду ничего подписывать, Конрад Шульц, – поставила я его перед фактом, отключая свое сердце и чувства.

Геб в Флорой поздравляли нас, осыпали комплементами и пламенными речами о счастливом будущем, но Конрад точно слышал меня. Потому как стоял бок о бок. И рука его на моем теле дрогнула. Потому что в тот момент он наверняка понял: это обещание.

С трудом выбравшись от Габриеля и его тонны счастливых поздравлений, мы, наконец, покинули пентхаус семьи Файкер. Одна часть меня ликовала этому факту, дескать, не придется больше лживо благодарить, играя некую роль счастливой невесты, а с другой стороны... С другой стороны, я четко осознавала, что дома у Конрада нас будет ждать юрист, и Шульц сделает все, чтобы вечер закончился в угоду ему. Очередного морального противостояния мне категорически не хотелось, день и так выдался на редкость информативным и познавательным, отчего не на шутку утомил.

– Поедете следом, – створки лифта открылись, и, когда я вошла внутрь, Конрад перегородил дорогу охране, стрельнув в них требовательным взглядом, не терпящим возражения.

– Но, босс... – один из них, заметно побелев, замялся и отвел взгляд к полу. – Есть четкий протокол...

– Следом, – отчеканил Шульц по слогам, входя внутрь и блокируя дверь прямо перед носом своих людей.

Конрад надвигался на меня торопливо и целенаправленно, не глядя нажав нужный этаж. Я была слишком ошарашена тем, как вытянулся его почти звериный оскал в прямом свете приглушенной белой лампы.

– Что это было? – прошептала я, пока его шаги сокращали разделяющее нас расстояние. Мои пальцы неосознанно сжали массивные и широкие поручни, буквально вжимая мое же тело в стеклянную стену позади.

– Предложение, – хрипло шикнул он, судорожно вбирая носом кислород. Взгляд мужчины блуждал по мне так жадно, будто мы не виделись целую вечность. – Тебе никогда его не делали?

– Делали, – призналась я, вспоминая Рона Харингтона, но кроме него были и другие. Злорадства в голосе скрыть не удалось. – Много-много раз.

Конрад замер, склонив голову набок, цокнул языком.

– Вот как... Почему я не удивлен?

– Я просто искала кого получше, – нагло соврала я. Причина была лишь одна: либо мужчины не любили меня достаточно для брака, либо я не любила кандидатов в мужья. Харингтон первоначально обманчиво казался идеальным человеком во всех отношениях: вызывал сносные чувства, имел схожие жизненные ориентиры. Но ни одно предложение никогда не поражало меня настолько, как из уст Шульца. Об этом, естественно, он никогда не узнает.

Глухим рыком Конрад ворвался в мое маленькое личное пространство, поднимая за талию и усаживая на поручень. Теперь наши лица были на одном уровне, и ему ничего не стоило обрушиться на меня с поцелуем, таким же развратным и сумасшедшим, как и секс с этим мужчиной. Доводящим до исступления. Выбивающим из головы все лишнее и ненужное Ему.

– Сложно, – ударяясь мокрым горячим лбом о мой лоб, Конрад коснулся указательным пальцем моей нижней губы, изучая ее контуры. Когда он проник слишком глубоко в рот, я укусила его за фалангу, и босс зашипел сквозь стиснутые зубы. Голос его стал спутанный, тараторящий, на лбу выступили капли пота. – Мне сложно видеть, как на тебя смотрят другие мужчины. Ничего не могу с собой поделать. Хочется запереть тебя дома и никогда никому не показывать, знаешь? Эта идея настолько мне нравится, что приходится прилагать огромные усилия, чтобы ей не поддаться.

– Не может быть... Ты ревнуешь? – брови мои вопросительно поползли ко лбу, а затем понимание ситуации успокоило разбушевавшееся сердце: «Он просто не хочет делиться своей вещью – вот и все!» – Успокойся, никому я не нужна.

В насмешливом тоне пряталась самая настоящая досада, ведь так и было. Нет в мире человека, ожидающего моего звонка или беспокоящегося о здоровье. «Кроме человека напротив тебя, Эмми Браун!» – от этой догадки свело челюсть.

Кивнув каким-то своим мыслям, Конрад за долю секунды остановил лифт красной кнопкой, а затем втиснулся между моих ног, уверенно и грубо разводя их в стороны. На уровне верхней части бедер была хлипкая юбка с не очень плотными швами, которые не выдержали напора мужчины, делая на моем платье неприличный разрез по ноге, почти до самого пупка.

– Ах! – я задохнулась от того, каким горячим и плотным был его пах, вжимающийся мне во внутреннюю часть бедра. – Тут ведь камеры, Конрад...

– Они все удалят, – без капли сомнений заявил он, измученно дыша мне в шею, пока руки жадно сминали мое тело.

– Но ведь именно сейчас кто-то смотрит, – взмолилась я, просовывая ладони между нашими телами. Прийти к подобному умозаключению оказалось легко, а вот тело отказывалось действовать логично. – Конрад, очнись!

– Фа-а-ак, – рыкнул он, бессильно погладив языком пульсирующую жилку на моей шее. От нежного касания перед моими глазами возникла пелена, а когда острые зубы дотронулись к мягкой кожи, мне с трудом удалось сдержать писк. Я попыталась сдвинуть ноги, загасить сильный вибрирующий огонек между бедер, но Конрад не дал. Лишь качнулся вверх-вниз, дразня клитор через плотный слой моей и его одежды. – Как же сильно я хочу тебя, Эмми... Как же. Сильно. Я. Тебя. Хочу!

Он чеканил каждое слово, будто сошедший с ума безумец. Его член набухал все больше, я ощущала каждый его изгиб чувствительной точкой своего тела, где все болезненно пылало. Язык терзал мою шею, засасывая, покусывая, изучая влажным языком.

– Конрад, – прошептала я, ища какое-то спасение. Мой голос напоминал то ли писк, то ли едва разбираемое шептание. Сжав руками предплечья мужчины, я искала опоры. Заглядывая в его сверкающие потемневшие глаза, просила то ли не останавливаться, то ли прекратить это немедленно. – Я сейчас... Сейчас...

От его взгляда сводило под ложечкой: теплый, обволакивающий, спокойный. И в тоже время требовательный, не моргающий, пылающий, как самое адское пламя. Он был как спичка, кинутая в лужу из бензина.

– Давай, детка... – просил, шептал, требовал он. Сминая мою грудь руками. Даже сквозь платье это ощущалось так остро, будто мы были совершенно нагими. Губы его ловили мои, щекоча, едва касаясь. – Я хочу, чтобы ты кончила для меня... Только для меня.

Волна накрыла меня внезапно, как атомный взрыв, заставляющий прогнуть спину назад и до крови закусить губы. Тело било спазмами, заставляя вжаться внутренней частью бедер в Его ширинку, поглаживая напряженный член. Не осознавая того, я опустила руку по его костюму, на ощупь пройдясь от бляхи ремня по молнии вниз. И Конрад, хрипя, задрожал, сокращаясь снова и снова, содрогаясь с моим именем на губах.

Я замерла, приводя дыхание в норму, и только спустя целую минуту, до меня дошло, что именно сейчас произошло. Для охранников камеры наблюдения мы выглядели, как развратная пьяная парочка, тискающаяся без зазрения совести у всех на виду, но вряд ли они могли заподозрить нас в таком странном, совершенно необъяснимом, нечеловеческом сексе через одежду. С губ сорвался краткий истерический смех, грудь Конрада тоже беззвучно завибрировала.

– Вот черт... – ругнулась я, медленно убирая руку от его паха к плечам. Кто бы мог подумать, что можно прийти к финалу от обычных прикосновений? От взгляда? От слов? И ощущения эти были ничуть не хуже, чем от обычного секса. Наоборот, более острые, словно приправленные адреналином и невозможностью удовлетворить внезапную нужду.

– Предпочитаю, чтобы моя будущая жена называла меня по имени, – хмыкнул мужчина и загасил очаг возгорания во мне выбивающим дух поцелуем.

Я не заметила, как он нажал кнопку на панели лифта, позволяя тому двинуться дальше, и очнулась лишь тогда, когда створки распахнулись.

– Что это? – впереди меня ждала темнота, черная и беспроглядная. А еще шум ветра и более чистый, легкий аромат Нью-Йорка, без примеси паленого бензина и уличной еды.

– Крыша, – удивил меня Шульц, утаскивая за собой, и, как только мог, плотно скрепив предварительно мое платье маленькими узелками и невидимками с моей головы. А после еще и закутал меня в свой пиджак, застегнув его на все пуговицы. И теперь о «происшествие» в лифте свидетельствовали лишь мои дрожащие ноги и красные, как помидор, щеки.

– Но... почему здесь? – прошептала я первое, что пришло в голову, оборачиваясь по сторонам в полном непонимании. Пространства было много, в большей степени темного и беспроглядного.

– Потому что крыша в моем доме оборудована для моего вертолета. А здесь – чистая, – пожал плечами мужчина, словно совершенно ничего странного не происходило.

– А охрана? Они ведь будут ждать внизу и... – я замолчала на полуслове, увидев оцепление по кругу. Это могло значить лишь одно – выход на крышу был запланирован заранее. Но почему тогда Конрад и словом не обмолвился? Речь шла лишь о возвращении в пентхаус после встречи с другом.

Я продолжала следовать за мужчиной, хмурясь. Незнание пугало и сбивало с толку, делала меня неуверенной и растерянной.

– Конрад... – начала было я, но запнулась, совершенно не представляя то, о чем хочу поинтересоваться.

– Да? – сейчас мужчина казался спокойным и даже немного веселым. Таким, каким я никогда не видела его раньше.

Мысли и так рассыпались, не давая собрать их во что-то цельное, как вдруг на глаза попался маленький уютный столик около трех огромных колонн в тихой, спокойной безветренной зоне. Он был украшен множественными гирляндами с теплым нежным белым светом, а на широких раскладных деревянных стульях лежали подушечки и теплые пледы.

Я, скорее, готовилась искренне поверить в то, что мы забрели в зону чужого романтического вечера, чем в то, что это устроено для меня Конрадом Шульцем.

– Я... – сердце вырывалось из груди – так бешено колотилось! Мужчина подвел меня к столику, на котором стояли закупоренная бутылка красного вина, сырная тарелка и различные фрукты. Но я прошла мимо, прямо к краю крыши, огражденному высоким и широким выступом, и уставилась перед собой. Потому как высказать свои догадки мужчине в глаза не смогла бы:

– Ты... Ты собирався сделать предложение здесь, не так ли?

Конрад промолчал, и я наивно полагала, что мужчина по-прежнему стоит на расстоянии десяти шагов от меня. И когда его ладони крепко обвили мою талию, а нос уткнулся в шею, предательски вздрогнула.

– Это более логично, если учесть, что в твоём доме крыша полностью занята, а в доме Геба – свободна, – продолжила рассуждать я, несмотря на его пылающее дыхание на моей вмиг покрывшейся мурашками коже. – Но... Почему тогда ты сделал предложение там, в пентхаусе?

Он снова промолчал, оставляя меня наедине со своими путанными и волнующими догадками. Если быть совсем уж честной, я не ждала ответа изначально. Потому как если бы Конрад подтвердил мои предположения, вышло бы так, словно это предложение было не актом привлечения внимания и не способом манипуляции через Геба с Флорой. А чем-то... другим. Чем-то, что даже про себя было озвучить больно.

– Потому что тот момент показался мне особенным, – произнес он спокойно, где-то даже вальяжно. Я не слышала раската грома или намёка на дождь, но меня мгновенно повело, словно после прямого удара молнии по позвоночнику.

Глаза мои расшились, и я не моргала до тех пор, пока роговицу не запекло.

– Только ведь ты...

«...позволил мне считать себя манипулятором!» – прокричала я про себя, но вслух не хватило сил, будто внезапно возникшее рыдание сжало мне горло. Я зажмурилась и несдержанно шмыгнула носом.

– Зачем ты заставляешь меня думать о тебе плохо? Тебе нравится, когда все вокруг тебя боятся? Нравится, уверена.

– Заблуждаешься, – как-то спутанно протянул он с секундной заминкой. Голос Конрада показался мне каким-то странным, пространственным и будто выжатым с трудом, через силу. Я вдруг решила, что Шульцу было просто невыносимо общаться со мной на подобные «людские» темы. – Ты сделала вывод, а я не стал тебя переубеждать. То-то и всего, – он помедлил, закаш-

лявшись. – К тому же, тебе все равно придется подписать контракт сегодня. Иначе я просто не выпущу тебя из пентхауса. И плевать, когда заканчивается прошлый рабочий контракт. Ты ведь осознаешь, что никто и никогда не скажет мне слово против? Я – закон, Эмми. И если я чего-то захочу, никто и никогда не сможет встать у меня на пути.

Я ахнула от наглости Шульца, ведь он, по правде говоря, никогда не нарушал закон. Этот человек следовал ему «от» и «до», оставаясь кристально чистым перед Америкой. По крайней мере, за пять лет сотрудничества. В тот момент флер розового наваждения моментально слетел, а настроение упало ниже плинтуса.

– Ты можешь хоть умереть тут, но я ничего подписывать не буду, – в отчаянье отчеканила я злобно, слишком резко.

Но Шульц ничего не ответил, совершенно никак не отреагировал. Он убрал руки с моего тела, а затем и вовсе отодвинулся в сторону. Странная необоснованная паника разыгралась внутри, заставляя резко обернуться и увидеть, как мужчина медленно шагает назад с перекошенным от боли лицом, держась за голову.

– Конрад! – в ужасе воскликнула я, глядя на то, как он оседает на стул, словно осенний листок.

Пара охранников тут же выскочила из укрытия на мой голос, но Шульц вскинул руку вверх. Видимо, это был призыв оставить его в покое, и те послушались в этот раз без единого нарекания. Спорить с боссом никто не хотел. Несмотря ни на что.

– Но... – я задыхалась от неожиданности и ужаса, все вокруг вдруг стало совершенно не важным. Ему было плохо, и мне стало так же невыносимо. Мысль, что я никак не могу облегчить его страдания, принесла томительную боль. Глаза Конрада были закрыты, а голова откинута на подушку назад, словно он ждал, пока вспышка пройдет. – Прошу тебя, поедem к врачу. Так нельзя...

Шульц опрометчиво мотнул головой в сторону и тут же сжался от нового приступа, на висках его выступили набухшие вены. Отряхнувшись, я скинула туфли и бросилась к нему, заглядывая в лицо.

– У тебя сотрясение. Это серьезно, и ты меня пугаешь, – голос сошел на шепот, не желая нарушить его покой и зону комфорта. – Прошу...

– Хватит. Все отлично, – наконец выдал Шульц, едва шевеля губами. И хоть нес он чистую ложь, я была рада хотя бы услышать его голос. Только спустя несколько минут вдруг осознала, что совершенно перестала дышать. Конрад опустил одну руку к себе на колени, и я жадно проследила за этим жестом. – Посиди со мной пару минут. Без слов. Иначе я попрошу тебя увести.

Взяв плед с соседнего кресла, я укрыла его покрывалом до самой шеи, а затем завернулась во второе сама и осторожно села к нему на колени, сжавшись в позе эмбриона.

Конрад неторопливо положил руку мне на спину и замер, время будто остановилось. В какой-то момент эмоции внутри накалились настолько, что я позволила слезам стечь по лицу. Решение было опрометчивым, потому как спустя секунду тело затряслось в беззвучных рыданиях, остановить которые я была не в силах.

– Перестань, – отрезал мужчина слабым хриплым голосом, внутри все стянуло рвотным спазмом.

– Ты меня пугаешь, – призналась я снова, вдыхая знакомый аромат его пиджака. – Мне страшно. Не пойму, почему мы не можем поехать к доктору Грину?

– Потому что это ерунда, – рука его у меня на спине немного пошевелилась, скользя вверх-вниз, аккуратно поглаживая.

– И отжимания сегодня тоже были ерунда? О чем ты только думал? У тебя ведь есть дети! – взорвалась я, прикусив язык слишком поздно.

Конрад протяжно хмыкнул, будто смакуя мои слова, раздумывая над ними. Но, как бы я ни ждала, он так и не проронил ни одного комментария на этот счет, будто просто отметив себе мою осведомлённость.

– Твой контракт рабский. И то, что ты хотел завести от меня ребенка без моего ведома – ужасно. А еще лечение бесплодия, опять же, без моего ведома... – перечислила я глухо и безжизненно, но без капли злобы. Все мое нутро содрогалось от мысли, что Конрад страдает. Я мечтала перенять его боль себе, забрать хоть часть тех мучений, что так явно читались на его лице.

– Я не собирался заводить ребенка без твоего ведома, – вдруг заговорил мужчина, голос Конрада казался немного раздраженным. Мне даже показалось, будто подобное предположение оскорбило его. Шульц тяжело выдохнул, а после обхватил меня и второй рукой, теперь я была полностью в капкане его внимания. Удивительно и невероятно, в данном случае это принесло мне некоторое облегчение. – Ты не бесплодна, чушь... Если я могу сделать что-то тебе во благо, не ставя тебя перед этим в известность, то сделаю это снова. И я буду решать все проблемы, связанные с тобой, без твоего ведома, если посчитаю нужным.

Я нахмурилась, слова его для меня звучали непонятно и нелогично. И все же, что-то странное, напоминающее легкое электрическое покалывание, прошлось от кончиков пальцев к самому сердцу.

– Почему? – закрыв глаза, я попыталась расслабиться. Тело казалось напряженным, как поврежденный нерв. Мне все еще безумно хотелось увидеть проблески улучшения самочувствия у Конрада, но их не наблюдалось. За пять лет впервые мне удалось застать его в плохом здравии и лучше бы этого никогда не произошло.

«Слишком много «впервые» за последние дни, не находишь?» – поддел меня внутренний голос.

– Уверен, – ехидно и низко прошептал он, и я понадеялась на то, что повышение тона значит улучшение состояния. – Эти полдня, пока ты считала себя «бесплодной», сделали тебя несчастной. Оно того стоило, Эмми? Если через считанные месяцы все могло остаться позади, а ты бы даже не знала о возникших трудностях.

«Это его забота, – догадалась я. – Так, как он умеет и считает правильным. В своей извращенной манере». Неизвестно, как много подобных моих проблем взял бы на себя этот мужчина, как много воротил бы за моей спиной, но сейчас... В данный отрезок времени... Я совершенно не могла думать ни о чем, что казалось важными считанные минуты назад. Время будто замерло. Остановилось. Приоритеты и ценности поменялись.

Прошло около часа, а быть может, и больше. Шульц не двигался, а я размышляла обо всем, что произошло со мной за короткие, но такие насыщенные дни. При воспоминании о Филиппе Майере скрутила досада.

– Ты ведь знаешь о Его звонке там, в дамской комнате? – вдруг прошептала я, стыдливо отворачиваясь, но совершенно не сомневаясь в его положительном ответе. Уверена, после первых же подозрений люди Шульца нашли ту блондинку и просто допросили ее так плотно, как только могли. А она-то точно слышала каждое слово разговора, ведь стояла в опасной близости. Конрад ничего не сказал, и я приняла это за положительный ответ, после чего неловко поморщилась. – Не продавай меня, Конрад. Как вещь. Это причиняет мне... боль. Никто не хочет стать средством достижения цели. Упасть на самое дно...

Я ощутила, как Конрад едва слышно заскрипел зубами, содрогнувшись, и тут же из глаз снова покатались слезы. Мысль, что я собственноручно возобновила его боль, стала совершенно невыносимой. Сегодняшний вечер мог закончиться чем-то ужасным – эта догадка обливала мои внутренности горячим свинцом.

– Я бы не позволил ему прикоснуться к тебе. Никогда, – жестко отрезал Конрад. Подобрал ноги под себя, негласно позволила мужчине сцепить на них руки в тугой замок. Я вздрог-

нула от глупых самонадеянных мыслей и отчаянно напряглась, чтобы мужчина не почувствовал моих слез. Снова. Чувствительность уже выходила за всякие рамки, но побороть ее отчаянно не получалось. Шульц резко набрал полные легкие кислорода, но слова произнес спустя целую вечность, будто собираясь с духом: – Мысль об этом инциденте не приносит мне радости.

Он мог просто сказать «извини», но, видимо, для Шульца это было чем-то слишком запретным. То, на что он пока не готов. И я робко улыбнулась, оценив его силу духа.

– Хорошо, я... гхм... рада, – медленно вдыхая и выдыхая пьянящий запах мужчины, я уплывала по волнам странной неги, похожей на наркотическое опьянение. И она обязательно меня убаюкала бы, если бы не тревожные мысли. – Прощу тебя, если пообещаешь кое-что. Суший пустяк.

– Как скажешь, – выпал он моментально, и я осознала, что он ждал моих слов. Будто происшествие с Филиппом не давало ему покоя намного сильнее, чем я могла бы предположить.

– Больница. Сейчас же, – отчеканила я, поднимая на него жесткий требовательный взгляд. – И никакой альтернативы, Конрад!

Спустя бесконечные полчаса молчания, Конрад со мной на руках не без труда попытался подняться. Я моментально вскочила на ноги, чтобы не утруждать его и без того ослабший организм. Он ничего не говорил, лишь уставился на скинутые туфли, давая мне время обуться, а затем переплел наши пальцы... Так, словно это было чем-то естественным, привычным, нормальным.

– Куда мы идем? – с надеждой спросила я, исподтишка изучая Шульца: он выглядел заметно лучше, чем несколько часов назад. Это не могло не принести облегчения! Но все же, мне больше не хотелось содрогаться от мысли о его здоровье. А именно это я и собиралась делать.

– В пентхаус, – кратко постановил он, заходя в лифт и отворачиваясь от света так, чтобы не бросалось в глаза. Я все равно заметила и прикусила губу от досады. – Нужно переодеться перед визитом доктора Грина.

Конрад смотрел прямо перед собой, казался холодным и беспристрастным. А я... Я просто не могла оторвать взгляда от его профиля, унимая внезапное желание улыбнуться. Эндорфины разлетались по телу с неведомой скоростью, окситоцин ударил в кровь и мозг.

«Он пошел у тебя на поводу, Эмми! – кричал внутренний голос так воодушевленно, будто эта информация стала самым невероятным событием этого столетия. – Конраду важно твое мнение и твое прощение!»

Мое блаженное оцепенение длилось достаточно долго, до того, как я осознала один факт: Шульц не просто смотрит вперед. Он разглядывает мое лицо, отрезкаленное косой панелью. Я вопросительно подняла бровь, и тут же краешки его губ поползли вверх.

– Ты очень милая, – вдруг выпалил Шульц, и сказанное прозвучало настолько неожиданно и ошеломляюще, что я буквально ощутила, как стораеt кожа лица от этих слов. Он мог больше ничего не говорить, потому как моя душа уже вылетела из тела; но все равно зачем-то продолжил. – И мне нравится, как блестят сейчас твои глаза.

Неосознанно напрягаясь, я поднесла холодную ладонь к пылающей щеке и уставилась на свое отражение. Как и ожидалось, ничего необычного мною подмечено не было.

– Недостаточно, – неожиданно для себя самой мои мысли прорвались наружу, и я напряглась, отряхнувшись. «Трезвей! Сбрось наваждение и следи за языком!» – отвесила я себе мощную оплеуху.

Конрад вальяжно повернулся и выгнул голову набок, сканируя меня своим фирменным пробирающим до костей взглядом. Так, будто одно мое слово удивило его до безумия.

– Недостаточно для чего? – протянул он, следя за каждым изменением в моей мимике, не упуская ни малейшей детали.

«Для тебя, Конрад Шульц!» – ахнула я про себя, потому что мои же мысли и чувства показались мне пугающими. И, тем не менее, это была моя постыдная правда. То, как именно я чувствовала этого мужчину.

Он был умным, интересным и, как оказалось, заботливым. Кроме того, обладал шикарным телом и безумно притягательной внешностью. Девушкам принято описывать ее, как брутальную и истинно мужскую. А еще Конрад был надёжным. Я легче поверила бы в поломку швейцарских часов, чем в то, что мой босс не выполнил какое-то обещание. Замкнутый, холодный, отрешенный внешне и такой многогранный внутри. Этот человек не разменивался на дешевые сантименты и лживые улыбки, потому как всегда показывал себя в деле, а не на словах. И оттого его благосклонность стоила бесконечно дорого.

А я обычная девочка Эмми Браун, к двадцати пяти годам имеющая лишь строчку в послужном списке и для Нью-Йорка достаточно скромный перечень заслуг. У меня не было мужа и, возможно, никогда не будет детей. У меня не было квартиры или солидных сбережений. А это значило, что один неверный шаг мог заставить скатиться на самое дно карьерной лестницы.

Опустив взгляд, я поморщилась и втянула непрошенные слезы. Между мной и Конрадом Шульцем разверзлась огромная непроглядная пропасть размером с бесконечную бездну.

На подбородок упала шершавая ладонь, заставляющая поднять голову и взглянуть на мужчину. Он казался чертовски недовольным, что только подтвердили его резкие слова:

– Я не знаю, о чем ты думаешь. Но мне это не нравится.

– Не нравится то, о чем я думаю? Или то, что ты не можешь прочитать мои мысли? – нервно сглотнув, я представила ситуацию, в которой этот человек действительно мог бы читать мои грязные идеи, и тут же снова залилась густым румянцем. Конрад самодовольно улыбнулся, а сознание мое взорвалось: «В этот раз он прочел твои мысли без особых усилий. Ты как открытая книга, Браун».

– Оба варианта, – все же ответил он. Конрад чертовски медленно наклонился, за это нескончаемое время перед глазами пролетели сотни различных мыслей, а затем оставил на моих губах легкий невесомый поцелуй. Как перышко, щекочущее кожу. Отстранившись, он заговорил, словно учитель в классе: – Я хочу, чтобы ты переживала лишь о том, в каком платье пойдешь к алтарю, Эмми.

Я открыла было рот, собираясь напомнить ему, что никакого брака не будет. Какой бы комичной ни показалась ситуация с обручальным кольцом на пальце... Но тут же прервала себя, ведь искренне не хотела стать сегодня Его очередной головной болью. В другой раз. Разговор неминуем, только... не сегодня. Когда он едва ли стоит на ногах.

Дверцы лифта распахнулись, нас уже покорно ожидала охрана. В этот раз мужчина дал распоряжение подать авто к центральному входу, и мы вернулись домой на машине, что было наиболее здравым решением. В таком состоянии Конраду не стоило расхаживать. К тому же он вряд ли позволил бы мне преодолеть все расстояние пешком, а я не хотела обременять его собой. Благо глубокой ночью Нью-Йорк не был настолько «засорен» авто на дорогах, как днем.

– Доброй ночи, – оптимистично воскликнул Стэфан, и я улыбнулась ему так искренне, как только могла. Во время заточения в доме Конрада наша с ним связь, подразумевающая собой негласную дружбу, потерялась, что несказанно меня расстраивало.

– Прекрасно выглядите, – вместо приветствия отсалютовала я ему, указывая взглядом на темно-синий свитер с улыбающимся оленем в черном колпаке. – Это что-то новенькое, где купили? Тоже хочу!

Конрад смерил меня пронзительным убийственным взглядом, крепче сжав ладонь, которую отчаянно отказывался отпустить, отчеканив сквозь зубы:

– Жена связала.

Я демонстративно повернулась к напрягшемуся Стэфану, показывая, что жду ответа именно от него, отчего Конрад буквально зарычал в голос.

– Босс прав, – закашлялся водитель, а затем взял себя в руки. Явно не без труда выпалив: – Вряд ли мой свитер сравнится с вами, мисс Браун. Вы просто ошеломительно выглядите! Глаз не оторвать.

– Спорное заявление, – я повернулась к Шульцу, хмурясь, но его губы были плотно сжаты, потому решила, что первое предложение мне послышалось. Набрав полные легкие кислорода, собиралась продолжить разговор со Стэфаном, как Конрад снова перетянул одеяло на себя: – В самое ближайшее время Эмми станет миссис Шульц, так что можешь привыкать к новому обращению. Больше «мисс Браун» я слышать не должен.

Это не была просьба или предупреждение. Холодный приказ, требующий немедленного исполнения. Произнесенный таким безоговорочным тоном, после которого обычному человеку хочется срочно броситься на колени перед Шульцем и начать извиняться за все грехи в этой жизни.

Я физически ощутила, как напрягся Стэфан, он посмотрел на меня через зеркало заднего вида, будто пытаясь удостовериться, что со мной все в порядке. Недалек был тот день, когда я слезно молила его дать мне бежать, а он не дал, и сейчас четко видела, что это мучило его, не давало спокойно спать все это время.

Когда авто остановилось у центрального входа, Конрад резко вытянул меня прочь из салона, силком потащив обратно в пентхаус. Тонкие шпильки проваливаясь в уличную вытяжку, заставляя меня спотыкаться снова и снова. Мужчина будто не замечал этого, пока я резко не дернула его за руку, призывая остановиться, дать мне отдышаться.

– Конрад! – воскликнула я, вырывая руку из его хватки. – Ты делаешь мне больно!

Мужчина опустил взгляд вниз, будто совершенно забыл, что сдавливая не чертов металлический эспандер, а мою хрупкую ладонь, которую явно в силах был переломить. Он все же ослабил хватку, но не отпустил.

– Я переведу Стэфана в другое место, – поставил перед фактом Конрад, внимательно изучая мою реакцию на данную новость.

Растерявшись сперва, я искренне не могла понять, почему он говорит мне об этом? А затем взорвалась в гнев! Почему Стэфан должен терять уважаемую должность, терпеть понижение зарплаты из-за собственнических повадок своего ревнивого босса? Водитель не сделал ничего, что заставило бы усомниться в его профессиональных качествах.

– Ты не можешь так поступить, – взмолилась я, тут же сделав шаг назад, оттого как недобро блеснули глаза Шульца.

– А вот теперь я намерен его уводить, – предупредил меня Конрад, скрипя зубами и играя желваками. – И прослежу, чтобы новую работу он смог получить лишь в другом штате.

– Гхм... Что?! Ты серьезно?! – всю дорогу до пентхауса я пыталась убедить Конрада в том, насколько странное и нелогичное это решение. Он был молчалив, а когда мы и вовсе оказались внутри, повернул меня к себе и поставил новую задачу: – Переоденься во что-то удобное и... – он нахмурился. – Закрытое! Быстрее.

А затем отправился переодеваться сам. Я справилась за считанные секунды, резво сняв платье и нижнее белье, натянув взамен свободное бежевое худи и черные джинсы. Но когда я пришла в коридор, желая продолжить вновь тему увольнения Стэфана, Конрада еще не было.

Передо мной в гостиной находился манящий мягкий диван, к которому я и отправилась. Только вот по пути туда меня привлек резкий сладкий аромат чего-то мускатно-ванильного и... неуловимо знакомого, чего я вспомнить никак не могла. Подойдя к кухонной барной стойке, увидела тарелку с муссовыми тарталетками, под которой лежала крохотная записка на желтом стикере, где детским почерком красовалось: «Приятного аппетита, Эмми! Сабина».

Я улыбнулась мысли, что эта крохотная умная девочка нашла в себе столько мудрости, чтобы перешагнуть ревность и приготовить мне десерт. Ей бы следовало научить терпимости отца и «отсыпать» ему немного здравого смысла. Желудок противно заурчал, а глаза наполнились слезами умиления и... безграничной, убивающей изнутри, пугающей тоски. «Возможно, у тебя никогда не будет детей!» – «подбодрил» внутренний голос.

Я съела тарталетку, шмыгая носом, а затем услышала массивные шаги в коридоре. Стоило мне покинуть гостиную, как на глаза попался Шульц в черном спортивном костюме, будто из одной коллекции с моей одеждой. Мы снова выглядели, как странная парочка, подбирающая наряды друг под друга.

Изучив мой внешний вид требовательным взглядом, он кратко кивнул на дверь:

– Идем. Нужно вернуться в течение получаса. Я не намерен задерживаться у доктора Грина надолго.

Глава 3

Вертолет ждал нас на крыше, и это не позволило мне удостовериться, что Стэфан все еще работает с Конрадом. И все же нетерпимость босса забавляла: он как маленький ребенок хотел максимально сократить время у врача.

Мне хотелось спросить у Шульца, как он чувствует себя сейчас, но мужчина выглядел таким недовольным, словно собирался съесть дегтярного мыла. Я смотрела на него и улыбалась от мысли, что хотя бы в этом он похож на обычных смертных людей.

Поймав мой взгляд, Конрад словно немного расслабился. По крайней мере, морщинка между его насупленных бровей, отнимавшая пару лишних лет, выровнялась.

– Все будет хорошо, – выпалила я на его вопросительно приподнятую бровь и тут же съёжилась от того, как нежно прозвучали эти слова. Слишком нежно для тех отношений, что я сама определила для нас с Конрадом.

Не отводя от меня темно-серых глаз, он не глядя сжал ладонь с увесистым обручальным кольцом, немного его покрутив, будто снова давая ощутить всю тяжесть решения, что было мною принято сегодня. А быть может, он лишь хотел напомнить, в каких именно отношениях мы теперь состоим.

– Я это знаю, – протянул он медленно и задумчиво, где-то немного удивленно. – А вот ты напоминай себе это почаще, детка.

Я отвернулась к иллюминатору, пытаюсь разгадать тайный смысл данных двояких слов. Конрад не дал мне убрать руку, как бы я ни сталась это сделать. Потому весь оставшийся путь, пялясь в иллюминатор, я ощутила, как его указательный палец поглаживает мою ладонь. И великолепно мерцающий Нью-Йорк отошел на задний план под гнетом невыносимо томительного, волнующего, выгорающего изнутри чувства... Чувства, определения которому я никак не могла найти.

Вертолет приземлился на крыше клиники, сидящий рядом с каменным выражением лица охранник вышел первым и подал мне руку, следуя строго по протоколу.

– Я сам в состоянии позаботиться о своей невесте, – громко и четко отчеканил мужчина, чтобы все присутствующие вокруг люди слышали каждое слово. Я замерла с широко распахнутыми глазами и оцепенела от того, как вытянулись физиономии каждого охранника. На краткие мгновения их бесчувственные лица перекосило от удивления, и теперь они смотрели на меня совершенно иначе – с нескрываемым интересом.

– Гхм... – я закашлялась, когда Конрад подхватил меня за ягодицы, спуская вниз, будто маленького ребенка. И прежде чем опустить на ноги, ущипнул за ягодицу, заставляя зашипеть от внезапной боли. Его горячие губы коснулись мочки моего уха, прошепав каждое слово так раздраженно, что я удивлялась, как он умудрялся при этом сохранять лицо таким беспристрастным? – Ты со мной. Забыла? И я не разрешаю тебе пускать слюни на других. Иначе будут последствия.

– ЧТО?! Ты в своем уме?! – резко повернувшись к мужчине, я едва не напоролась на его губы – так близко он был от моего лица. Мысли тут же спутались, а внимание тотчас переметнулось. Конрад тоже ощутил «это» нечто неуловимое, искрящее в воздухе между нами и нервно вобрал кислород трепещущими ноздрями. Шаги охранников рядом привели меня в чувство, и я отряхнулась, не на шутку разозлившись. И пусть предположение Шульца в «пускании слюней» было для меня не просто диким, но и оскорбительным, я решила позлить его завышенное эго:

– А что ты мне сделаешь, а?

– Ничего, – умерил мой пыл Конрад, пожав плечами. Но не успела я озадачиться таким его спокойствием, как он продолжил, демонстративно выгнув бровь: – Зато ты здорово сократишь мой штат.

А затем, быстро поцеловав меня в губы, оставляя на них привкус сладкой мяты, поставил на ноги и сжал руку, уводя с собой в здание клиники.

– Конрад, это ерунда какая-то... – мысли удалось собрать в кучу, лишь когда мы спустились по лестнице на этаж ниже. Мне категорически не нравилось то, как босс увольнял каждого мужчину, на которого упал мой взгляд. Но доктор Грин появился буквально из ниоткуда, заглушив мои жалкие попытки заговорить своим громким, довольным как у чеширского кота мурчанием:

– Неужели вы все же решили посетить меня, дорогой Конрад! Не могу поверить своему счастью. Вы поступили как сознательный человек, беспокоящийся о своем здоровье.

Шульц бросил на меня краткий взгляд, как на корень зла всего человечества, и его губы вытянулись в тонкую линию. С трудом сдержав смех, я почесала зудящую шею и сама ответила Грину:

– У него болит голова. Очень. Сделайте что-то с этим, ладно?

Грин одобрительно закивал головой, рассматривая меня с какой-то неожиданной гордостью:

– Вы все же сделали, как я просил. Великолепно, Эмми! – вдруг он прищурился, а затем пару раз моргнул, будто фокусируя взгляд на моем лице и шее. Затем достал из нагрудного кармана монокль на длинной серебряной цепи и поднес его к глазу. – Хм... Давно это у вас? Выглядит опасно.

– О чем вы? – приложив руку к щеке, я ощутила жар кожи, она заметно пылала. Подобные побочные эффекты легко можно было списать на полет и усталость, что я и делала последние пятнадцать минут. Так что, махнув рукой, облегченно хмыкнула:

– Ерунда. Позаботьтесь лучше о главном пациенте. Конраду это нужнее.

Встав передо мной, Шульц бескомпромиссно положил свою ладонь мне на шею, а затем и вовсе оттянул ворот худи, рассматривая что-то серьезно и внимательно. Давая понять, что сперва он разберётся со мной и только потом приступит к своему лечению. Возражений не принималось.

– Раздражение, – резюмировал он, недовольно качая головой. Он делал так каждый раз, когда посмел упустить из внимания что-то важное. За пять лет работы подобное произошло лишь дважды и имело совершенно не значительный характер. – Этого не было полчаса назад, доктор Грин.

– У нее может быть аллергия на новую одежду? – предположил засуетившийся доктор, присоединившийся к боссу и разговаривавший с ним так, будто меня нет, а рядом лишь нежилой манекен. – В любом случае, раз вы тут, нужно это обследовать. И что-то мне подсказывает: немедленно.

– Нет! Сперва Конрада, – воспротивилась я, почесав живот, странно занывший. Внезапный зуд на коже смешался с тремором. – Мы ведь приехали сюда чтобы... Чтобы... То есть, я хотела сказать...

– Чтобы что? Путаются мысли, да, мисс Браун? – Грин снова полез в карман, но на этот раз достал маленький фонарик, которым беспардонно посветил мне в глаза. Тело сковало странная тошнота и сильное головокружение. Показалось, будто земля под ногами дрожит. «Ты просто не можешь заземлиться после полета!» – успокаивал меня внутренний голос, но обеспокоенный взгляд Шульца вселял панику.

– Мне просто... – нервно сглотнув, постаралась избавиться от мешающего кома в горле, но чем больше я старалась, тем больше становился этот самый ком. Будто раздувался. Горланье ощутимо немела, сдавливалась в тиски и мешала сделать лишний вдох. Резко взглянув

на Шульца, я быстро протараторила: – Конрад, обещай, что выполнишь все, что доктор Грин тебе велит! У тебя сотрясение, и это не шутки.

Мужчина молчал, я продолжала ждать его ответа. Грин звал кого-то, за долю секунды подбежали медсестры, но я видела их мельком, потому как мир вокруг медленно уплывал. Вокруг образовалась паника, множество голосов раздражали уши, люди в белых халатах окружили меня чертовски быстро.

– Конрад... – прошептала я, пытаюсь найти в его глазах поддержку. Но видела там лишь испуг и шок. Шок, сводящий с ума и лишаящий разума. – Пообещай мне сейчас.

Он кивнул, спутанно и растерянно, будто только сейчас расслышал мои слова. В его темно-серых глубинах я видела что-то такое ужасное, что совершенно не прибавляло оптимизма.

– Анафилактический шок... – уши поймали часть фразы Грина, и я содрогнулась от ужаса. «Но ведь я ничего не ела в пентхаусе Габриеля! Вряд ли от пары глотков вина могло произойти такое... К тому же, именно эта фирма была испробована мною не впервые!» – взорвалось сознание вместе с пекущим изнутри желудком, будто кто-то положил в него взрывчатку или раскаленный уголек. «Может дело и вправду в новой одежде? Нет, подобный материал, только в виде домашнего платья, я уже не раз носила в пентхаусе Конрада».

– Что ты ела? – отчеканил Шулец, пришедший явно к тем же выводам, удерживая меня на месте своими руками. Крепко и цепко, будто я уплывала от него, словно песок сквозь пальцы, а он ничего не мог с этим поделать. – Говори. Постарайся, детка...

Я судорожно вспоминала, что удавалось сделать с адским трудом, сознание уплывало так скоро, что тело не успело вдоволь испугаться. Я все еще ощущала себя в замешательстве, когда вдруг пугающая догадка ужаснула меня до новой вспышки боли.

«Не может быть!» – взмолилась я, а на глазах вспыхнули слезы.

– Что это? – Конрад понял все сразу и ждал от меня ответа. Рядом появилась каталка, я распознала ее лишь по звуку катящихся колес. – Эмми, прошу тебя.

«Клубнику! – кричал внутренний голос. – Я ела клубнику, Конрад».

Именно этот малознакомый запах удалось уловить голодным желудком среди различных примесей в муссовом креме подаренной тарталетки. Но я поняла это слишком поздно. Тогда, когда исправить ситуацию уже было совершенно невозможно.

Глядя на мужчину, я не могла найти в себе силы произнести это вслух, ведь именно Его дочь приготовила это для меня. Сабина... Могла ли она знать про аллергию? Сделала ли это специально? Я не знала, но совершенно не хотела говорить подобное ее отцу и давать повод усомниться в семилетнем ребенке. Юной крохотной девочке.

И не пришлось. Потому как разум покинул меня резко и внезапно, а тьма заполнила все вокруг. Последнее, что я увидела: темно-серые глаза, полные беспомощности и тревоги.

Луч испепеляющего солнца ударил по закрытым глазам, заставляя поморщиться. Я заныла, оттого как пекло роговицу, и по инерции попыталась повернуться набок. Только вот не смогла. Руки с ногами оказались прикованы к твердой на редкость постели. Резкий приступ паники заставил встряхнуться, я попыталась сдвинуться с места, и это вызвало сильную боль внутри, будто кто-то прошелся по желудку острой наждачкой.

– Проснулись, дорогая... – присутствие кого-то знакомого рядом – доктора Грина – немного успокоило. Послышался шелест ткани, после чего солнце перестало так яростно резать глаза, и я, наконец, их распахнула. Взгляд встретился с кристально белым глянцевым потолком палаты, где я смогла разглядеть очертания своего тела в темно-синей больничной робе.

– Что... со... мной?... – голос был на редкость низким и хриплым, словно у прокуренной трактирщицы, горло до слез предательски ныло. Сглотнув мешающий ком в горле, я снова заныла от резкой, едва терпимой острой боли.

– Не переживайте, мисс, – теплая ладонь легла мне на живот, а после чего показалось лицо самого Грина. Он казался сосредоточенным более чем когда-либо, доставая из нагрудного кармана свой фонарик и светя мне им прямо в лицо. – Все самое страшное уже позади. Не о чем больше беспокоиться. Мы промыли вам желудок, какое-то время будете чувствовать дискомфорт.

– Что именно позади? – медленно повернув головой вправо, я увидела капельницу, с левой же стороны располагался какой-то датчик, где разобрать удалось лишь мой завышенный пульс.

– Анафилактический шок, – Грин без спроса распахнул мой рот, осматривая язык. – Мы вовремя блокировали приступ, но ночь вы все равно проспали. Придется придерживаться диеты несколько месяцев. И, естественно, никакой клубники. Если так уж хочется, можете покупать всякие химические добавки с ароматизатором клубники, хотя я бы советовал вам забыть об этой ягоде навсегда.

Внезапно комната показалась мне маленькой и неудобной, напоминающей белый безликий короб, не имеющий ничего располагающего и успокаивающего. Приступ клаустрофобии захлестнул меня с головой, а желание освободить руки стало невыносимым. Дыхание сперло, а голова закружилась с утроенной силой.

– Мне можно встать? – с едва скрываемой паникой прошептала я, что доктор Грин уловил тут же, нажимая красную кнопку у изголовья постели. Верхняя ее часть медленно поднялась, позволяя мне смотреть на мир вокруг полусидя, но даже в этом положении легче не стало: впереди был выключенный телевизор и совершенно пустая стойка, предназначенная для вещей. Я посмотрела на доктора полным мольбы взглядом:

– Освободите меня, прошу... Я чувствую себя... Гхм... Сносно.

– Оргазм ослаблен, вам желательно этот день провести в постели, – жестко поставил перед фактом он, не собираясь принимать какие-либо возражения, только вот мой мозг в экстренной ситуации работал на редкость хорошо, тут же подкинув спасательный вариант:

– А как же туалет?.. Я могу пойти в дамскую комнату? Или естественные процессы у вас тоже под запретом, а?

Немного растеряв свой энтузиазм доводить меня измором, Грин почесал затылок и немного покраснел, принявшись быстро расшнуровывать узелки:

– Эм... Конечно, мисс. Это ведь не тюрьма, в конце концов...

С широкой, но вялой улыбкой я села на койке, довольная тем, что нашла выход из ситуации. Каждое движение отзывалось болью в пищеводе, слабость делала из меня невесомое облачко – качало из стороны в сторону. Как вдруг на полпути к женской комнате меня озарила резкая догадка. Вернее то, что я опрометчиво упустила из слов Грина. Повернувшись к нему в пол-оборота, я крепче сжала пальцами стойку с капельницей.

– Вы сказали «клубника». Так быстро готов анализ?

– Анализ и вправду готов, – хмыкнул старик, отводя взгляд к окну и засовывая руки в высокие карманы. – Только Конрад понял все намного раньше, чем очень здорово нам помог. Кажется, он связался с охраной вашего пентхауса и попросил сводку камер видеонаблюдения.

Страх прошел по телу мелкими мурашками, оставаясь где-то на уровне бешено бьющегося сердца. Благо больше монитор не показывал пульс, иначе Грин точно вернул бы меня в постель, приковывая к ней навсегда.

– И... – я нервно облизала пересохшие губы, пытаясь скрыть волнение. – Где сейчас Конрад?

Мне было страшно представить, что сделает он с маленькой Сабиной, узнав правду. Одна мысль, что он сможет ей как-то навредить была чертовски невыносимой. Несмотря на то, что эта семилетняя девочка довела до меня до больницы, я ощущала в происшедшем и свою вину. Именно я пришла на ее территорию, где девочку любили и считали принцессой. Именно я

«украла» ее любимого папочку. Изначально не стоило знакомиться с детьми босса. Оставалось надеяться, что Сабина не подозревала о возможном летальном исходе и просто хотела подшутить.

– Здесь, – доктор Грин указал подбородком на смежную комнату с наглухо закрытой дверью. – Не поверите, пока мы занимались вами, мистер Шульц согласился на все указанные мою процедуры. Мы даже провели ему небольшую операцию, которая должна устранить головные боли. Приди он на месяц позже – операция была бы намного серьезнее и под общим наркозом... Чего он только ждал, не понимаю? – старик недовольно развел руками, пытаясь показать степень его удивления поведением мужчины. Я же думала о другом... Мне нестерпимо хотелось увидеть Конрада и задать ему парочку важных вопросов. Развернувшись на пятках, я направилась в указанную комнату, услышав растерянный и недовольный крик Грина: – Эй, куда это вы, мисс? А ну-ка вернитесь! Вы слишком слабы, чтобы разгуливать туда-сюда... В противном случае, буду вынужден сопроводить вас обратно насильно.

Хмыкнув, я повернулась к доктору Грину и вопросительно выгнула бровь. Действительно ли он собирался делать то, что сказал? Конрада подобное поведение точно не обрадует. Видимо, старик тоже это понял, потому потупил недовольный взгляд и покачал головой, бурча себе под нос что-то вроде: «Несносная семейка!»

Открыв дверь, я очутилась в совершенно идентичной комнате, ничем не отличающейся от моей. Конрад лежал на такой же широкой постели и смотрел в противоположную от меня сторону. Сперва я решила, что он спит, но затем разглядела в отражении окна его открытые пустые глаза, лишённые всяких эмоций. На мужчине были все те же штаны, а вот кофта отсутствовала. Видимо, ее заставили снять, чтобы поставить капельницу.

– Конрад, – едва слышно позвала я его, замирая на месте. Он ничего не ответил, будто и вовсе не заметил моего присутствия, и только спустя целую вечность, осознав, что уходить я не собираюсь, отрезал:

– Возвращайся в постель. Немедленно.

Голос его был резким, грубым, холодным и отстраненным. Хлещущим по лицу, будто мощная пощечина. Выливающимся на голову ушатом ледяной воды.

Я прикусила губу, сдерживая непрошенные слезы, но наплевала на гордость и не сдвинулась с места. Потому что часть меня понимала его эмоции: отец только что узнал, на какую подлость способна его маленькая принцесса. Семилетнее невинное создание. Он не хотел обидеть меня, он корил именно себя.

– Она не знала про аллергию, – уверенно отчеканила, блефуя. Подобного я утверждать не могла.

– Знала, – тут же выдохнул Шульц, чем подтвердил мои предположения. Сейчас он думал о Сабине. И эти мысли явно навеивали ему тоску и ярость. – Повторяю еще раз: возвращайся в постель.

Я сама не знала, каким волшебным образом чувствовала его боль, ведь внешне Конрад выглядел так же сурово и неэмоционально, как обычно. Тот же хмурый взгляд, тот же повелевающий тон. Даже в больничной палате он умудрялся сеять вокруг себя тяжелую энергетику, наверняка пугающую каждую неподготовленную медсестру. И все же мне удавалось поймать этот тонкий и едва уловимый канал связи между нами, заглянуть за трёхслойную маску в истинное лицо.

– И что ты собираешься делать? – затаив дыхание, я жаждала его ответа с каким-то ненормальным энтузиазмом. Мне было важно убедиться, что он еще не успел навредить Сабине. Тем самым, навредив и себе самому.

– Пансион в Испании до восемнадцати лет. Она отбывает завтра в обед, – Конрад проговорил это ровно, будто подобное решение ему ничего не стоило, и на какую-то крохотную секунду я действительно поверила, что это так. Что он равнодушен к собственному чаду!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.